

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АГПУ**

С.Л. ДУДАРЕВ

**МЕТОДИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
И ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ**

Вып. V

**Армавир
2005**

9 (М) 1
63.3 (0) 4
Д-81

Печатается по решению редакционно-издательского совета и кафедры всеобщей истории Армавирского государственного педагогического университета

Дударев С.Л. Методические статьи и заметки по истории: В помощь студенту. Вып. V. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2005. - 100 с.

Настоящее издание является пятым выпуском научных, научно- и учебно-методических работ зав. кафедрой всеобщей истории АГПУ, д.и.н., проф., акад. МАИ С.Л. Дударева, связанных с актуальными вопросами и проблемами преподавания дисциплин всеобщей истории, регионоведения и археологии в ВУЗе. В данной брошюре помещены работы автора, представленные в печать в или уже увидевшие свет в различных изданиях, но требующие сведения воедино для целевого использования в учебном процессе на историческом факультете АГПУ и филиалах нашего университета для воспитания будущего учителя-исследователя.

Для студентов, учащихся старших классов, преподавателей вузов и школ, всех, кто интересуется зарубежной и отечественной историей.

На обложке:

© Дударев С.Л., 2005.
© Редакционно-издательский центр АГПУ, 2005.

Светлой памяти матери и сестры

ОТ АВТОРА

В пятом выпуске настоящего сборника, как и в предшествующих ему, представлены наши работы, связанные с научными и научно-методическими интересами автора и посвященные различным актуальным вопросам и проблемам изучения всеобщей истории, регионоведения и археологии. Они находятся в печати или уже опубликованы в тех или иных изданиях, не всегда доступных студентам истфака АГПУ, что вновь побуждает нас собрать их воедино для ознакомления будущим молодым специалистам. От внимательного читателя, вероятно, не ускользнет то обстоятельство, что название нынешнего выпуска несколько изменено по сравнению с предыдущими. Модифицированное наименование отражает тот факт, что данные сборники уже давно (фактически со второго выпуска) включают не только собственно заметки, но и статьи.

Помещаемые работы, в массе своей, представляют наши отзывы на защищенные в последние год-два диссертационные работы по зарубежной истории (Западная Европа в средние века и новое время), древней истории и археологии Северного Кавказа, проблемам русско-северокавказских отношений, в том числе, истории казачества¹, некоторым книгам по истории нашего региона, в которых период конца XVIII – первой половины XIX в. освещается через восприятие иностранных путешественников. Кроме того, в брошюре представлены материалы семинара по актуальным проблемам всемирной истории, проведенного кафедрой всеобщей истории в мае 2004 г. для учителей Новокубанского района. В отдельной статье рассматривается богатый опыт установления международных связей научной Школой акад., д.и.н., проф. В.Б. Виноградова и кафедрой всеобщей истории АГПУ. Искренне надеемся, что та информация, которая заложена в данных статьях и заметках, будет способствовать более глубокому ознакомлению студенческой аудитории, аспирантов, молодых преподавателей и всех заинтересованных лиц с указанным кругом тем и проблем. Наше издание нацелено, прежде всего, на подготовку и воспитание будущего учителя-исследователя, как стратегической задачи истфака АГПУ, а также на формирование у студенчества и учителей стойкого интереса к актуальным вопросам истории в русле

¹ Публикация своих отзывов на диссертации или их авторефераты практикуется автором в последние годы в различных изданиях АГПУ и вузов Северного Кавказа.

концепции непрерывного образования, завоевывающей все больше сторонников среди работников просвещения Кубани и направленной на решение важнейших образовательных задач российской высшей школы.

С.Л. Дударев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

АМАЗОНКИ ВО ВСЕМИРНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (новое об известном)

Тема, которой посвящена диссертация (Богаченко Т.В., 2005), является одной из экзотических в проблематике исторических исследований. В то же время, она постоянно находилась в поле зрения ряда компетентных авторов, на что указывает содержание автореферата. Тем не менее, до сих пор в историографии не было известно обобщающего диссертационного исследования, в котором **комплексно**, как то и сделано Т.В. Богаченко, был бы рассмотрен "амазонский" вопрос. Видимо, причина была в том, что связь амазонок с северо-иранским миром, особенно савроматами, была очевидной для многих отечественных ученых, находившихся под обаянием как античной традиции, так и работ таких корифеев, как К.Ф. Смирнов и Б.Н. Граков.

Поэтому очень ценно то, что диссертант постарался опровергнуть устоявшиеся стереотипы. Интерес к рассматриваемой работе подогревает и ее явная связь с гендерной тематикой.

В **вводной части** Т.В. Богаченко сформулировала актуальность темы, ее объект и предмет и т.п. Весьма важно, что соискателем точно обозначены цель и задачи, охарактеризованы вполне емкая и разнообразная источниковая база и очевидная научная новизна диссертационной работы. В то же время, нисколько не сомневаясь в хорошем знании автором отечественной и зарубежной литературы по проблеме (об этом говорит содержание реферата), хотелось бы видеть ее *суммированное* отражение в автореферате. Ибо "разброс" историографии по главам привел к тому, что работы тех или иных предшественников (или предшественниц), или их фрагменты, написанные в русле "амазонской" тематики в реферате не прозвучали (например, Т. Скрипник, Т.В. Мирошиной, В.Б. Виноградова и др.) (Виноградов В.Б., 1975. С.39).

Т.В. Богаченко основательно, насколько можно судить по автореферату, в **1-й главе** проанализировала различные версии мифов античной традиции об амазонках и подвергла их перекрестному сопоставлению. При этом хотим особо отметить наиболее интересно и

свежо звучащий третий параграф 1-й главы, где происхождение греческого мифа об амазонках связано с малоазийскими культами плодородия. Диссертант указывает, что характерной чертой ближневосточных культов и ряда малоазийских богинь был андрогинизм. Заметим, что в то же время, андрогиния у греков признавалось до последних столетий античности (Элиаде М., 1999. С.382-387), как на то указывают, например, сочинения Платона ("Пир").

Во **2-й главе** Т.В. Богаченко методически грамотно поместила вопрос о воинственности женщин степей и Кавказа в контекст мировой этнографии и фольклора, продемонстрировав тот факт, что образ женщины-воительницы характерен для многих народов мира, но нигде нельзя найти факты, которые говорили бы об участии женщин в военном деле как массовом явлении. Соискатель выяснил, что в основе тех или иных, так сказать, "амазонских" сюжетов лежат определенные свадебные, культовые и прочие обрядовые моменты, а также репрезентативно-ситуационные мотивации, которые не приводили к институционализации связи "женщина-оружие-война". В то же время, по нашему мнению, автор недооценил версию Ю.И. Семенова о связи "амазонских" легенд с тематикой оргиастических нападений, конкретно, третьей линии их развития, в контексте которой исследователь рассматривает рассказ Страбона об амазонках и гаргареях (История первобытного общества. 1986. С.87).

3-я глава посвящена изучению тех археологических материалов, которые рассматриваются как фактическое подтверждение существования воительниц на территории Юга России в качестве некоего самостоятельного феномена. Автору удалось показать сложность и неоднозначность трактовки находок оружия в женских могилах, как подтверждения их воинского статуса, как и привести свидетельства антропологов, которые верно указывают на то, что вооруженные женщины не были молодыми, с точки зрения продолжительности жизни в изучаемых Т.В. Богаченко обществах. Вообще же, вопрос о принадлежности "женских" погребений с оружием к представительницам прекрасного пола при отсутствии антропологических определений – вещь сама по себе весьма проблематичная, как показывают исследования отечественных и зарубежных специалистов конца XX – начала XXI в.

В **Заключении** веско подведены итоги проделанной работы, в результате которой сделан ряд интересных выводов. Автор проследил истоки мифов об амазонках, восходящих к историко-культурной среде Малой Азии, имевшей теснейшие и древние контакты с греческим миром; показал, что дальнейшее развитие мифов об амазонках тесно связано с развитием географических представлений древних греков о народах, живших "на краю Ойкумены", когда амазонки выступают в качестве маргинальных персонажей, символов необжитой территории, маркером

"другого", противоположных грекам обычаев и практик; Т.В. Богаченко продемонстрировала реальное многообразие истоков "амазонских" сюжетов в культурах народов мира, которые имеют конкретные мотивировки, проистекающие из представлений того или иного общества об определенных сторонах института брака и т.д.

Библиография

- Богаченко Т.В., 2005.** Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах Южнорусских степей / Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону.
- Виноградов В.Б., 1975.** Описание Северного Кавказа в "Географии" Страбона (XI, V, 1-8).
- Элиаде М., 1999.** Очерки сравнительного религиоведения. – М.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.** -1986. - М.

ФРАНЦИСКАНЦЫ: КТО ОНИ? **(новое исследование по истории ордена)**

В 2005 г. в Ставропольском государственном университете была защищена кандидатская диссертация В.Н. Садченко "Францисканский монашеский орден и его социально-религиозные функции (XIII – первая половина XV в.) (научный руководитель – д.и.н., профессор И.А. Краснова). Работа является актуальным и оригинальным исследованием, в котором поставлены многие важные вопросы изучения взаимодействия католической церкви с различными социальными слоями средневекового общества. Ценность диссертации В.Н. Садченко, на наш взгляд, заключается в следующем. Автор постарался, фактически, взглянуть на генезис средневекового общества в один из важнейших периодов его истории через *призму становления и развития францисканского ордена*, как одной из влиятельных церковных организаций, но одновременно являющейся и своеобразным, притом знаковым *социальным срезом* западноевропейского социума того времени.

Садченко очень хорошо показала, как францисканский орден и его создатели умело адаптировались к меняющимся социальным условиям, демонстрируя высокую способность средневекового католицизма реагировать на разнообразные подвижки в общественной среде и в ментальности людей, становиться ближе к ним, разговаривать с ними на их языке и менять подходы к решению наболевших проблем, не порывая, в принципе, с ортодоксией. Францисканцы были одними из немногих, кто столь ревностно призывал "милость к падшим", т.е. отверженным-маргиналам. И самым блестящим примером их влияния на верхушку общества был Людовик Святой, поведение которого по отношению к прокаженным потрясает. Бесспорно, это был результат проповедей св. Бонавентуры, который, являясь генеральным магистром францисканцев с 1257 г., неоднократно проповедовал перед королем и королевой (Гарро Л., 2002. с.179). Важным представляется такой аспект работы, как изучение изменений в канонизации святых (на примере св. Франциска и св. Клары), который является ярким примером эволюции средневекового менталитета. В процессе канонизации уже было необходимо, частности, учитывать не только то, умел ли святой творить чудеса (это положение стояло на первом месте в деятельности святых, скажем, еще в VI в.) (Григорий Турский. История франков. I, 48; Бычков В. В., 1981. С. 266—267). Знаменательно, что одновременно с этим выявлялись и те недостатки будущего святого, которые были изжиты им на пути к святости. Тем самым, жизненный путь святого приобретал важный дидактический смысл для христиан. Это стало новым явлением в ментальности средневекового человека, для которого святость становилась *подвигом всей жизни*.

В.Н. Садченко удачно показала важную миротворческую функцию францисканцев, способствовавшую примирению враждующих социальных групп и слоев. Автором очень интересно исследовано, как гибко официальная церковь умела работать с неформалами, которыми поначалу были францисканцы, ибо, как мы знаем, существуют укоренившиеся односторонние представления на тот счет, что с подобного рода публичкой у католической церкви и папства был один разговор – инквизиция, костер и т.п.

С другой стороны, весьма любопытно было увидеть то, что личности, стоявшие у истоков Ордена, прежде всего сам Франциск Ассизский, были людьми, критиковавшими пороки церкви, но нередко конформно настроенными по отношению к тем представителям церкви, которые эти пороки олицетворяли. Так они выживали и приспособлялись, укоренялись в общественной структуре. Исследователь показывает и то, что со временем все больше набирало силу и резкое порицание одиозных недостатков католицизма францисканскими проповедниками. Почему это важно? Когда мы, например, говорим об итогах Реформации, не нужно забывать, что, огромные массы людей остались в лоне католицизма. И эта заслуга принадлежит той церковной традиции, которую олицетворяли и францисканцы, осуществляя постепенную перестройку церкви изнутри еще в средневековый период. В.Н. Садченко, продолжая разработки А.Я. Гуревича и др. в области восприятия средневековой ментальностью вопросов отношения к бедности и богатству (Гуревич А.Я., 1992; Краснова И.А., 1995; Дударев С.Л., 2000, с.11-13; и др.) показывает, что представители Ордена еще в XIII в. подходили к постановке указанных вопросов с новых позиций. При этом у них наблюдались явные противоречия (нищета как важный компонент имитации Христа; с другой стороны, негативное отношение к вынужденной бедности), которые маркируют переходную ситуацию в католической идеологии, все больше формировавшей в человеке индивидуалистические начала². Последнее было недавно отчетливо показано Е.П. Тельменко на примере анализа взглядов Д. Савонаролы (Тельменко Е.П., 2003, с.23-24).

Исследование В.Н. Садченко убедительно демонстрирует, что в истории средневекового католицизма были *различные исторические русла* (термин акад. Ю.А.Полякова) (Поляков Ю.А., 2003, с.5-9), которые требуют все более внимательной оценки специалистов-историков и отхода от сложившихся стереотипов восприятия истории западной церкви.

Библиография

² Б. Регенсбургский вообще считал, что евангельская заповедь, согласно которой нужно делиться с нищим последней рубашкой, есть несомненный признак ереси (Гуревич А.Я., 1992. С.694).

- Бычков В.В. Эстетика поздней античности. – М., 1981.
- Гарро Л. Людовик Святой и его королевство – Спб.: Евразия, 2002.
- Гуревич А.Я. Человек средневековья // История Европы в 8 т. – Т.2. Средневековая Европа. – М.: Наука, 1992.
- Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. Ч.1. Москва-Ставрополь, 1995.
- Дударев С.Л. Методические заметки по истории. Вып. II. – Армавир, 2000.
- Тельменко Е.П. Религиозно-философские и социально-этические аспекты проповеднической деятельности Джироламо Савонаролы и их влияние на флорентийское общество конца XV века / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2003.
- Поляков Ю.А. Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 4.

СТРАНИЦЫ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ СТАВРОПОЛЬЯ

Ставропольский государственный университет является крупным научным центром на Северном Кавказе. В последние годы на его историческом факультете произошло заметное усиление научного творчества, в том числе, исследований по всеобщей истории, что весьма наглядно выразилось в росте числа диссертаций, защищаемых по проблемам истории зарубежных стран. Среди них наше внимание привлекли две диссертации по британской истории, с которыми автору удалось совсем недавно ознакомиться в качестве члена диссертационного совета по истории при СГУ и официального оппонента.

Начнем с отзыва на автореферат кандидатской диссертации Н.Д. Крючковой "Образ жизни британской элиты третьей четверти XIX века" (Крючкова Н.Д., 2004).

Сама по себе тематика, связанная с исследованием истории социальных элит, демонстрирует растущую актуальность и это доказывается диссертацией Н.Д. Крючковой. Элита – это визитная карточка общества. Мы бы сказали, что элита, при заимствовании тех или иных представительных черт у других культур (вспомним, например, русскую дружину), является носителем наиболее репрезентативных характеристик и ценностей данного общества, демонстрируя его цивилизационные основы. Сейчас много внимания уделяется параллелям "Запад – Восток". В этой связи нелишне будет привести такой пример. Во время Кавказской войны XIX века в плену у горцев находилось немало военнослужащих русской армии. Им предлагали принять ислам, на что охотно шел ряд солдат (Головлев А.А., 1990. С.38-42; Дударев С.Л., 1990. С.42-45). Случаев принятия ислама русскими офицерами, как правило, являвшимися дворянами, нам неизвестно.

Но вернемся к исследованию Н.Д. Крючковой. Эта работа удивительно интересна. В статье, объем которой ограничен, практически невозможно осветить все наиболее значимые аспекты темы. В диссертации сделан целый ряд весьма любопытных выводов, которые звучат оригинально и свежо. Картина общественной жизни британской элиты продемонстрирована автором с различных ракурсов и это создает достаточно сложное, многомерное восприятие жизни верхушки социума средневикторианской эпохи.

С одной стороны, автору удалось показать такую существенную тенденцию британского общества как взаимопроникновение двух ведущих классов изучаемого периода – высшей аристократии и среднего класса. При этом очень важны показанные автором мотивации заимствования тех

или иных ценностей и моделей поведения как аристократией, так и средними слоями, совершенно неприсущих для них ранее. В данном отношении Н.Д. Крючковой внесен заметный вклад в проблематику.

Мы считаем одним из основополагающих выводов автора о том, что аристократия, поделившись властью и социальным положением с представителями других групп, успокоив критику улучшением нравов, укрепила собственные позиции. Английская аристократия чутко отреагировала на быстрый рост социальной мобильности средних классов, на брошенный ими вызов (Крючкова Н.Д., 2004. С.17). Она ввела в свою жизнь протестантские морально-этические нормы. Важен вывод автора о том, что "аристократы по сути воспринимали ценности средних классов, но это восприятие происходило без характерного для предпринимательской идеологии практического обоснования" (Крючкова Н.Д., 2004. С.18). Иными словами, аристократия показала себя как *высокоадаптированный класс*, сумевший перестроиться для сохранения и упрочения своего общественного положения, чего нельзя сказать об аристократии ряда других европейских стран.

Другое близкое историческое русло, охарактеризованное автором, связано с тем, что, как это, вроде бы, ни удивительно для страны, в которой совершилась одна из самых знаковых буржуазных революций, аристократия сохранила свои лидирующие позиции и очень высокий престиж в обществе, являясь законодательницей мод для средних классов. Подражание аристократам в этикете, формах досуга и т.п., стремление к соответствующей статусности было столь высоким, что приходится говорить о "скромном обаянии" британской буржуазии и об огромном, неотразимом обаянии британской аристократии, хотя, в то же время, шло постепенное сближение двух культурных систем (Крючкова Н.Д., 2004. С.18). Многовековая культура аристократии (особенно досуговая) показала свою высокую репрезентативность, и буржуазии пришлось многому научиться у аристократических слоев. Знать сумела навязать свой образ жизни предпринимателям, само предпринимательство было непрестижно и даже непристойно. Протестантская этика буржуазии уступила свое место дворянским ценностям, причем именно выходцы из средних слоев становились самими рьяными приверженцами светского аристократического этикета (что, впрочем, с исторической точки зрения вполне обычно – все "новообращенные" стремятся быть "святейшим папой") (Крючкова Н.Д., 2004. С.20). Сама же родовитая аристократия в таких проявлениях не нуждалась в силу своей самодостаточности. В этом смысле исследование Н.Д. Крючковой показывает, что в Британии средневикторианской эпохи произошла своеобразная "контрреформация", сопровождавшаяся перерождением буржуазной морали. Разработки Н.Д. Крючковой еще раз обратили нас к тому, что общественное времяпровождение высшего класса, не занятого работой, публичность его

жизни (Крючкова Н.Д., 2004. С.22) делали аристократов весьма восприимчивыми к вопросам чести, откуда возникала необходимость, что называется, "блюсти" ее (дуэли и т.п., о чем бы также хотелось прочитать в работе). Впрочем, во время защиты возникли вопросы и о том, в каких лицах конкретно персонифицировался идеал джентльмена, а также в чем заключалась девиантность поведения аристократов (которые, подчас, являлись далеко не "паиньками") и был ли в этом также свой идеал.

Н.Д. Крючкова весьма наглядно продемонстрировала, если угодно, "джентльменизацию" британского общества в исследуемый период. Причем это явление очень интересно подается автором как фактор, способствовавший социальной стабильности и общественному порядку. И, наверное, в немалой степени это так и есть, если учесть, что ориентировавшиеся на "комплекс джентльмена" средние слои играли в обществе все возрастающую роль. В то же время, как воспринимали "джентльменство" низшие слои – этот серьезный вопрос, который не затронут в работе и нуждается в отдельном рассмотрении.

Как уже было сказано, в работе много ракурсов, которые буквально притягивают читателя и вызывают размышления. Так, автор отмечает, что уровень благосостояния высшей аристократии в третьей четверти XIX в. оставался высоким, однако ее изначальное превосходство в обладании материальными ресурсами исчезало. Если посмотреть на то, как ситуация менялась в течение ста последующих лет, то окажется, что средние слои стали играть большую роль, социальная элита Великобритании претерпела немалые изменения, а ее верхушка подверглась основательной "капитализации". Однако список 200 самых богатых жителей Соединенного Королевства за 1988 год показывает, что половина этих состояний была не приобретена, а унаследована (От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. 1998. С.408-409). Иными словами, аристократические традиции и соответствующая система ценностей в правящем классе Великобритании до сих пор еще весьма сильны. Привлекает внимание и замечание автора о том, что в первой половине XIX в. аристократия возвращалась к средневековым рыцарским идеалам служения обществу, что подтверждает актуальность обращения к изучению истории рыцарства в средние века и его влияния на общество в новое время (см. работы армавирского специалиста по истории рыцарства И.И. Басова) (Басов И.И., 2001. С.35-42; Басов И.И., 2003. С.113-121). Аспект, который хотелось бы видеть акцентированным в работе – это связь британской элиты с английской монархией того времени и последующего периода – XX в. Он будет затронут нами ниже в отзыве о диссертации Ж.А. Абрековой. В целом, диссертация Н.Д. Крючковой представляет большой научный интерес и нуждается в скорейшей публикации, поскольку необходима для внедрения в вузовское преподавание.

Другая диссертационная работа, обладающая высокой актуальностью, это *исследование Ж.А. Абрековой «Эволюция английской монархии в первой половине XX века»* (Абрекова Ж.А., 2004). Великобритания является одной из ведущих держав современного мира и развитие ее политических институтов находится в центре внимания мировой общественности. Тем более, вызывает нескрываемый интерес институт английской монархии – одной из самых старых в мире, который кажется многим некоей национальной экзотикой. Забегая вперед, можно сказать, что в данном труде этот тезис вполне убедительно опровергнут. Кроме того, тема работы Ж.А. Абрековой очень тесно связана не только с достойной всестороннего изучения социополитической историей Великобритании, но и с такими научными проблемами, которые привлекают к себе все больше ученых, как проблема харизмы королевской власти и проблема потестарности.

Обращаясь непосредственно к тексту работы, а именно введению, нужно сказать, что автор глубоко понимает актуальность темы своей диссертации. Ж.А. Абрекова уверенно формулирует объект и предмет исследования, устанавливает вполне четкие хронологические и территориальные рамки, весьма осознанно и точно подает и научную новизну своей работы, характеризует ее цели и задачи. Автор, разумеется, имеет право обращаться к комплексному анализу эволюции конституционной монархии Великобритании *в контексте британского общества, а также европейского развития* (Абрекова Ж.А., 2004. С.18). Здесь он мотивирует причину отмеченного ракурса работы, а именно, что данный контекст, как и европейское развитие, послужили *катализатором* изменений, произошедших с этим институтом власти. Нельзя, тем не менее, не указать на то, что в качестве такого катализатора не менее действенно выступали *общеевропейские* процессы, которые, в принципе, учтены в работе, но служат в качестве некоего слишком удаленного исторического фона, в то время как играли куда более важную роль.

Историография диссертации, в целом, учитывает ведущие исследования отечественной и зарубежной (прежде всего, англо-американской) историографии по проблеме (работы М.Я. Острогорского, А. Муравьева, И.И. Жигалова, В.И. Кобыша, В.Н. Некрасова, Ф.Д. Волкова, С.П. Перегудова, Дж. Голлана, С. Лоу, Д.Обри, Дж. Кастелла, Е.Бенсона, Д. Соммервелла, В. Адамса, В. Бэдджота, Р. Блэйка, Д.Фэррера и мн. др.). В то же время, возникает вопрос об изучении исследуемой темы в историографии стран Содружества. Впрочем, надо полагать, знакомство с последней - это, скорее всего, задача будущих разработок Ж.А. Абрековой.

Вполне представителен корпус источников, который делится на четыре группы – архивные документы, законодательные акты, мемуарная

литература, публицистика. Для достижения своих целей автор использует разнообразную научную методику, которая характеризует его, как компетентного специалиста, хорошо понимающего подходы к теоретическим основам исторической науки. Автор осознает и практическую значимость своего исследования, которое может найти достаточно широкое применение в вузовской сфере.

Глава I «Эпоха эдвардианства в Великобритании» является одной из наиболее интересных в работе. В главе и диссертации в целом красной нитью проводится обоснованная мысль о том, что для сохранения себя как потестарного института монархия должна была соответствовать ритмам развития общества и подобно зеркалу, отражать динамику меняющегося мира. И, пожалуй, наибольшая заслуга Ж.А. Абрековой заключается в том, что исследователь смог умело соединить характеристику политических процессов, шедших в Великобритании, с анализом личности короля Эдуарда VII. Этот монарх предстает перед нами в диссертации как незаурядная историческая личность (каковой он и был!), сумевшая при помощи своего огромного личного обаяния, неиссякаемой энергии, хорошо продуманных внешнеполитических шагов, широкого кругозора, веротерпимости, непосредственных контактов с представителями различных слоев общества, знания его политических реалий, репрезентативности двора и своей собственной и т.п. придать персоне короля и самому этому институту власти привлекательный имидж, несмотря на рост республиканских настроений и утрату монархией прежнего влияния на управление государством. Можно согласиться с Ж.А. Абрековой в том, что Эдуард VII стал первым монархом, который понял, что чем доступней (уточним лишь - в смысле общения с массами) будет казаться Корона, тем меньше вероятность ее свержения.

Очень важно то, что автор уделяет заметное внимание ментально-психологическим основам монархических чувств в народе, что все еще не является устойчивым правилом в отечественной исторической науке. Традиционная ментальность англичан, как не без оснований утверждает автор, также сыграла вполне определенную роль в сохранении почитания персоны короля в народе, несмотря на вызовы времени, выразившиеся в известных идеях «заката Европы», «сумерек богов», деперсонализации и т.п.

Любопытно, что даже недостатки в поведении короля были обращены в его пользу в глазах общественного мнения. Его страсть к роскоши и светским удовольствиям, манера утонченно, но просто одеваться и т.п. отнюдь не вызывали раздражения даже у рабочего класса и тем более высших и средних слоев. В чем же дело? Автор верно отмечает со ссылкой Лоуэлла, что правительство Англии было в начале века в руках верхних классов и их лидерство в социуме являлось очевидным (Абрекова Ж.А., 2004. С.54), а культура их, добавим, была наиболее репрезентативной, что

прослеживается, по меньшей мере, со средневикторианского периода, о чем говорилось выше в связи с рассмотрением работы Н.Д. Крючковой.

Кроме того, диссертантом справедливо подчеркивается, что король был центром единства Британской империи, а имперское сознание было присуще для весьма многих представителей населения метрополии. Автор прослеживает, как стремление укрепить расшатывающееся здание империи, назревающее брожение в самом британском обществе, усиливающаяся межпартийная борьба и т.п. заставляли правящие круги во главе с королем усиливать разнообразные средства воздействия на массы. Это были как социальные меры либерального правительства, так и различные церемониальные акты, празднества, например, пышная коронация и т.п. Верхи пришли к очень важному для себя выводу: король мог и должен был стать *внепартийным вождем нации*. Мы бы сказали, что этот постулат стал очень важным итогом и уроком эдвардианского правления. В то же время, Ж.А. Абрекова показывает, что, несмотря на удачные маневры короля, сумевшего сохранить общественное значение монархии, как символа единства нации, огромная часть полномочий была передана им премьеру, который сообщал суверену о деятельности кабинета «post factum».

Важное значение в работе имеет глава II «Британская монархия в межвоенный период». В ней подвергнуты анализу эволюционные процессы, совершавшиеся с институтом монархии в период правления королей Георга V и Эдуарда VIII. Этот период назван автором, как явствует из названия главы, *межвоенным*. Вполне понимая трудности с наименованием второй главы, тем не менее, укажем, что в ней освещается период с 1910 г. по 1936 г., который охватывает не только временной отрезок между двумя мировыми войнами, но и финал первого предвоенного времени, а также годы первой мировой войны, так что название главы нельзя считать оптимальным. Указанный период предстает в работе Ж.А. Абрековой как время испытаний для английской монархии, которой предстояло доказать свою состоятельность ввиду драматических коллизий эпохи. Авторский анализ вновь выявляет как личные качества нового монарха, так и те бурные перипетии, на фоне которых разворачивалась его деятельность. «Классический» конституционный монарх предстает перед нами в диссертации как человек и политик, четко осознающий границы того общественно-политического поля, на котором ему предстоит выступать. Это фигура, которая борется за выживание своей монархии в условиях гибели мировых империй, серьезных социально-политических потрясений и перемен, как на внешней арене, так и внутри страны. И для этого, как показывает Ж.А. Абрекова, хороши все средства, применяемые королем и правительством: и знаменитый прием «shake-hands» по отношению к рабочим, демонстративный патриотизм и показная нейтральность вкупе с мнимой способностью выражать интересы всей

нации в целом, и широкие PR-компании королевской «фирмы» (выражение самого Георга V, заметим, чисто буржуазное!), отвлекающие внимание народа от насущных проблем и даже фактическое принесение в жертву спокойствию своего трона родственника, Николая II, которому было отказано в политическом убежище в Великобритании. И эти немалые усилия принесли свои плоды. Монархия сделалась предметом культа для громадного большинства нации – заключает автор (Абрекова Ж.А., 2004. С.96) и с этим нельзя не согласиться.

Весьма интересным является второй параграф главы II, в котором автор рассматривает историю об отречении Эдуарда VIII. Этот раздел диссертации можно отнести к числу явных авторских удач, ибо он, основываясь на научных принципах и конкретных источниках, в то же время практически, написан в жанре исторического детектива. Здесь есть все – и романтическое увлечение короля американкой Уиллис Симпсон, и интриги премьера, и заступничество Черчилля, и газетный скандал и, наконец, тайная операция под руководством Шелленберга. Как выявил автор, дело было, конечно, не только в любовных чувствах короля, но и в его далеко идущих личных амбициях и политических пристрастиях и симпатиях, которые были явно профашистскими. Однако сам этот драматический эпизод, тем не менее, получает в работе очень симптоматичное завершение. Примечательно заключение ко второй главе, оформленное в виде оценки Эдуардом VIII своего отречения. И самые главные мысли, которые в нем звучат – это идеи демократизации конституционной монархии и необходимости социального лавирования в интересах выживания данного политического института.

Глава III «Британская монархия в годы Второй мировой войны и первое послевоенное десятилетие» посвящена выяснению статусного генезиса изучаемой монархии и восприятию ее в сознании британцев в период с 1939 по 1952 г.

Анализ, выполненный автором, свидетельствует о непрекращающейся работе британской монархии совместно с правящей верхушкой в указанный отрезок времени по приспособлению к меняющейся обстановке в условиях прямого распада Британской империи и усиления в обществе приверженности к демократическим институтам и ценностям, идеям социальных гарантий и другим составляющим концепции «государства всеобщего благосостояния».

На этом пути были и просчеты, и удачи, и прямое заинтересованное участие в судьбах страны, отмеченное печатью высокого патриотизма и мужества. Ж.А. Абрекова, с одной стороны, обращает внимание на недалёковидную поддержку британской элитой политики «умиротворения агрессора» в предвоенный период. С другой, приводит, например, поразительный факт – в обеих мировых войнах на поле брани полегло пропорционально в три-четыре раза больше представителей верхнего

класса, чем других слоев британского общества. Сам английский монарх Георг VI, вместе с семьей с самой лучшей стороны проявил себя в годы второй мировой войны и недаром заслужил славу «народного монарха». Впечатляет фраза королевы Елизаветы после очередного налета немецкой авиации: «Я довольна, нас бомбили! Это позволит мне смотреть в лицо своему народу!». Впрочем, когда отгремели залпы второй мировой, время героизма закончилось и между парламентом и королем, как указывает автор, был заключен секретный документ, согласно которому королевская семья освобождалась от налогов.

Достаточно противоречива, как явствует из исследования, была и политика британских правящих кругов в отношении деколонизации зависимых территорий. В то же время, позиция автора по отношению к этой проблеме недостаточно критична. Ж.А. Абрекова приводит советские архивные внешнеполитические документы, фактически свидетельствующие о том, что Британия в конце 1940-х гг. вела политику, давно уже получившую наименование в отечественной литературе и публицистике - «уйти, чтобы остаться», но подает их лишь как мнение Советского Союза. Излишне благостно автором преподносятся слова Георга VI об учреждении двух новых доминионов – Индии и Пакистана, «которые будут сердечно сотрудничать с правительствами других доминионов» (и надо понимать, друг с другом!). Учитывая дальнейшее развитие событий, можно сказать, что это заявление было ничем иным, как проявлением лицемерия. В то же время диссертант приходит к верному заключению, что британской короне удалось сохранить роль символа единства Содружества, что можно считать ее немалым достижением в деле сохранения определенного глобального влияния в странах этой своеобразной ассоциации.

Мы далеки от того, чтобы обвинять автора в идеализации британской монархии в исследуемое время. Ж.А. Абрекова показывает, что Георг VI (как и его предшественники) вовсе не был аполитичным, называя его мнимую аполитичность *мифом*, что, в частности, подтверждается его отношением к тем или иным внутри- и внешнеполитическим проблемам, которое совпадало с *политической платформой консерваторов*. О многом говорит тот факт, что в марте 1946 г. король тепло приветствовал печально знаменитую речь Черчилля в Фултоне, с которой, как известно, и началась "холодная война".

Одним из наиболее важных выводов третьей главы мы считаем тот, что автор приходит к мысли о генетическом родстве английской исполнительной власти и монархической системы. В частности, отмечается, что почти неприступное положение английского премьер-министра и твердые позиции исполнительной власти, которые так успешно избегают всяких покушений со стороны парламента на ее независимость, во многом являются наследием абсолютной монархии. Одновременно

подчеркивается, что король, будучи безусловно связанным окончательным решением кабинета, обладает такими правами, которые дают ему большие возможности влиять на сам процесс принятия решения (Абрекова Ж.А., 2004. С.148).

В заключении автором подводятся итоги предпринятого исследования и формулируются основные выводы.

Оценивая в целом проделанную Ж.А. Абрековой работу, следует сказать, что автору, довольно внимательно препарировавшему английский опыт прошлого столетия, в принципе, удалось показать генезис английской монархии в первой половине XX в. и изменения в отношении к нему в британском обществе. Данный опыт дает, как представляется, немаловажные уроки не только для Великобритании, но и для других стран. Диссертация Ж.А. Абрековой помогает понять, что, хотя аполитичность и надпартийность королевской власти во многом являются искусственными, английской монархии удавалось успешно маскировать свои симпатии и антипатии в обществе и, несмотря на номинальность своей прерогативы, выступить, прежде всего, в роли медиатора и действенного инструмента социального лавирования, встав над общественно-политическими перипетиями и страстями. Впрочем, надо сказать, что и само общество сделало правильные выводы из своей истории. Мы бы сказали так – казнь в XVII в. короля Карла I стала для англичан *исторической прививкой от насилия*.

С помощью данной работы мы имеем возможность убедиться в том, что образ монархии, при всем его обмирщении (слова в королевской титулатуре - "Defender of the Faith" – "Защитник веры", звучат ныне все более декоративно) и утрате королями середины XX в. ряда черт своей персональной харизматичности (она свелась к демонстративным патриотизму и добропорядочности) не потерял своего обаяния для масс, т.к. не будем забывать, что на корону работает весь ее 1200-летний имидж, т.е. если угодно, *многовековая коллективная харизма*. И это при том, что королевскую власть сейчас с легкостью некоторые британцы, порой, обвиняют то в нарушении прав человека, то в жестоком обращении с животными (!) и т.п. и вообще не против именоваться гражданами, а не подданными (<http://lenta.ru/world/2000/12/06/monarchy/>).

Анализируемое исследование показывает нам, что английская потестарно-политическая традиция в лице монархии имеет уникальный феномен, который, по мысли Дж. Оруэлла, предотвращает появление Гитлера или Сталина. Несмотря на то, что короли и королевы в Англии XX – начала XXI вв. царствовали, а не правили, автор убедительно продемонстрировал, что английская монархия обладает большим, хотя и скрытым, потенциальным резервом потестарной мобильности. Этот резерв может быть востребован в наше непростое время масштабных террористических актов и угрозы правопорядку, которая может

возникнуть в стране, правительство которой поддерживает агрессивные, опасные и далеко идущие авантюры Вашингтона.

Полагаем, что рассмотренные работы, выполненные под руководством известного ученого-историка д.и.н., проф. А.А. Аникеева – это лишь преддверие новых исследований по британской истории, которые будут развернуты в ближайшие годы, с учетом тех больших возможностей, которыми располагает Ставропольский госуниверситет и кафедры исторического факультета СГУ.

Библиография

Крючкова Н.Д., 2004. Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века / Автореф. дисс...канд. ист. наук. – Ставрополь.

Головлев А.А., 1990. К вопросу о беглых и пленных русских у Шамиля // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. – Грозный.

Дударев С.Л., 1990. О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. (со доклад) // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. – Грозный.

От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. – М.: РОССПЭН, 1998. С.408-409.

Басов И.И., 2001. "Воюющие" и их менталитет (у истоков рыцарского "кодекса чести") // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознания и методология изучения: Сборник материалов межрегионального научного семинара. Ставрополь.

Басов И.И., 2003. Рыцарское наследие и современность: воспитательный и военно-спортивный аспект // История и обществознание: Научный и учебно-методический ежегодник исторического факультета АГПУ. Вып. II. Армавир, 2003.

Абрекова Ж.А., 2004. Эволюция английской монархии в первой половине XX века / Дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь.

<http://lenta.ru/world/2000/12/06/monarchy/>.

**МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА НА ТЕМУ "МИР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
(АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ)",
ПРОВЕДЕННОГО КАФЕДРОЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АГПУ
С УЧИТЕЛЯМИ ИСТОРИИ НОВОКУБАНСКОГО РАЙОНА (7 МАЯ
2004 г.)**

Выступление зав. кафедрой, д.и.н., профессора С.Л. Дударева⁶.

Уважаемые коллеги! Уверен, что присутствующие достаточно осведомлены о важнейших внешнеполитических событиях и процессах из теле- и радиопередач и прессы. Тем не менее, наверняка, отслеживается далеко не вся информация, какие-то моменты могут быть упущены, и что наиболее важно – необходимо рассматривать те или иные проблемы в комплексе, потому что в отдельности понять их до конца невозможно.

Одна из наиболее горячих проблем сегодняшнего дня (и к сожалению, дня завтрашнего) – это проблема **международного терроризма**.

Вопрос о его корнях очень сложен и в одном выступлении раскрыть его невозможно. Тем не менее, говоря о причинах его "расцвета" на современном этапе нужно указать на то, что природа терроризма не проста и несводима к какому-то одному фактору. Его невозможно считать порождением одних лишь преступных элементов, которые, как, например, в Чечне, сочетают теракты с наркотрафиком, продажей оружия, работорговлей и т.п. Терроризм нельзя связывать и с одним лишь *исламским фактором*, как чаще всего делается в российских и мировых средствах массовой информации. Эта тема будет еще затронута ниже моими коллегами в своих выступлениях. Сейчас же мне хотелось бы обозначить некоторые основные позиции данной проблемы. В мире живет до 1.5 млрд. мусульман, и если бы все они были одержимы идеей террора, то мировой порядок бы просто рухнул. Напротив, огромное большинство мусульман против фундаментализма, ваххабизма с их террором. Это отражается и в опросах общественного мнения. Всего 17 % россиян считают самой большой угрозой для страны конфликт православных и мусульман (1). С другой стороны, не будем забывать и о том, что противоречия между исламскими странами и различными направлениями в исламе настолько велики, что в обозримом будущем, по оценкам экспертов, ислам не представляет коллективной угрозы ни для России, ни для Европы. Это положение хорошо подтверждается тем, что у арабских, и вообще исламских, стран нет, например, единой позиции ни по Ираку, ни по палестинской проблеме, по которым они просто не в состоянии выступить единым фронтом. Более того, ряд мусульманских стран (Пакистан, Саудовская Аравия, Арабские Эмираты, Катар, Кувейт и др.)

⁶ С.Л. Дударев – ответственный за выпуск данного материала.

еще во время первой войны с Ираком в выступили на стороне Соединенных Штатов, пойдя против своих единоверцев. Здесь сыграли главную роль экономические и политические факторы, а совсем не религиозные (беря шире – цивилизационные). Хотя втайне эти страны могут испытывать какие угодно чувства по отношению к США, официально они руководствуются прагматизмом, понимая, кто сильнейший в мире.

В то же самое время исламский фактор как таковой ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Ислам – самая молодая и пассионарная из всех мировых религий, конфессия, каждый год динамично пополняющая свои ряды миллионами новых неофитов. Расселяясь в странах Запада, мусульмане не растворяются там, и не поддаются этническому нивелированию, сохраняя свои религию, обычаи, образ жизни (2). Но дело не только в этом. Мусульманам, причем не только, радикальным, не по душе тот образ жизни, который пропагандирует Запад, особенно Соединенные Штаты, т.е. разврат, плутократию, пьянство, сатанизм и т.п., маскируя это все в духе постмодернистской идеологии под "плюрализм мнений". Те порядки, которые были установлены в Иране после исламской революции 1979 г., ярко характеризуют не только патриархально-консервативные, средневековые установки, привлекательные для сотен миллионов мусульман по всем мире, но и реакцию на вторжение т.н. "западных ценностей", сопротивление которым, стремление вернуться к исламским первоосновам и питает фундаменталистские течения.

Но теперь от духовной стороны перейдем к экономической, социальной. И здесь следует указать на еще одну важную мировую проблему. Мир раскололся на процветающий авангард и отстающий арьергард. Страны т.н. "золотого миллиарда" с 17 % населения мира имеют 83 % мирового дохода. На одном полюсе ("золотой миллиард") уровень дохода до \$50-100 в день на человека, на другом около 2 миллиардов человек с доходом меньше \$1. Совокупный ВВП 56 стран – членов Организации Исламская конференция – меньше ВВП одной Франции. На "полносе бедности" не только ряд мусульманских стран (ведь не все такие богатые как Саудовская Аравия, Эмираты и т.д.), но и большое количество иных беднейших стран фактически уже 4 мира. Фидель Кастро утверждает, что в 1959 г. внешний долг Латинской Америки в целом составлял 5 млрд. долл. на 214, 5 млн. чел. С тех пор ее население увеличилось до 543, 4 млн. чел. (из них бедняков 224 млн.), а внешний долг достиг в 2003 г. не менее 800 млрд. долл. (3).

По сути, мир раскололся уже не по линии "Восток-Запад", а по линии "Богатый Север-Бедный Юг". 2 миллиарда человек в мире голодают, 20 млн. из них ежегодно умирает от голода. При этом, бедность сама по себе не всегда является самодовлеющей причиной для выражения протеста, т.к., например, на Востоке она – не порок. Но в сочетании с голодом, низкой

ценностью жизни и фактором религиозного фанатизма у терроризма может возникнуть практически неисчерпаемый людской резервуар. Обездоленных, находящихся на грани голодной смерти можно подвигнуть на что угодно. Большие возможные перспективы исламистского радикализма в таком регионе, как Центральная Азия, напрямую связаны с тем, что местные республики охватил системный кризис, здесь происходит резкое падение жизненного уровня и растет разочарование людей в нынешних правителях. И т.н. исламская альтернатива здесь становится все более реальной, хотя в первой половине 1990-х гг. массы тут не пошли за исламскими радикалами (4).

И вот эти-то "бедные" сейчас и изобрели свой способ борьбы с "богатыми", вернее, возродили то, что было известно с древности, но с использованием современной техники. Т.н. "шахиды" взрывают себя в автобусах, в ресторанах и т.п., врезаются на самолетах в небоскребы и, несмотря на все принимаемые радикальные (в том числе, и сверхрадикальные) меры, например, в Израиле, полностью предотвратить эти акции оказывается практически невозможно. Здесь хотелось бы отметить два момента.

Во-первых, далеко не всех смертников можно назвать шахидами в собственном смысле слова. Шахид – это воин-мусульманин, принимающий мученическую смерть в бою с гонителями ислама. Смертники, которые действуют в нашей стране, в частности, в Москве, шахидами не являются, потому, что в России *нет гонений на ислам*, как их и не было в XIX в., когда во время Кавказской войны тоже были люди из числа горцев, стремившиеся завоевать славу "шагида" (5). Очень показательным, что глава Всемирной исламской лиги шейх Абдалла ат-Турки назвал террористов "шахидами шайтана", т.е. *"мучениками от сатаны"* (6). Во-вторых, терроризм является орудием людей, действующих из подполья, которые не могут воевать открыто, т.к., отчасти, не могут оказать достойное сопротивление военной машине развитых стран. *Неоглобализм США, стремление этой страны навязывать свою волю другим народам, заставлять мир жить по американским нормам и понятиям – это один из важных побудительных мотивов для сопротивления с помощью террора.* Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир отмечает: "Когда чужая безликая мощь уничтожает твои святыни, твою культуру, твои традиции, твою национальную самобытность – это невыносимо больно. От такой боли человек может обезуметь и превратиться в фанатика... Отчаявшийся народ, имеющий пламенный восточный темперамент, может повести себя непредсказуемо" (7).

После окончания холодной войны североамериканские "общечеловеки" возомнили себя "матрицей цивилизации". США с их двойными стандартами и "заботливой гегемонией" (выражение

ставропольского историка В.П. Беликова) (8) могут привести дело к тому, что в "страны-изгои" запишут большинство населения планеты⁷. 11 сентября 2001 г. атаки террористов были направлены на Всемирный торговый центр – символ мирового, особенно, американского, капитала, Пентагон, а также планировалось взорвать Белый дом. В каком-то смысле, **терроризм – это, так сказать, оружие слабых**. Недаром погибший недавно лидер ХАМАС (Движение исламского сопротивления) шейх Ясин говорил, что у них нет танков, пушек, самолетов, но есть люди. Это и есть самое страшное – множество людей, готовых на самые непредсказуемые действия. Но из подполья действуют не только слабые, но и изощренные, коварные богатые люди, использующие изуверский арсенал террористических методов.

В одной из башен всемирного торгового центра находился один из самых крупных инвестиционных банков в мире – Morgan Stanley Dean Witter – занимавший 10 этажей. Он потерял 11 сентября около 300 своих лучших служащих! (9). А в целом в обеих башнях был уничтожен высший кадровый состав, банки данных "глобального суперобщества". Все это не могло быть спланировано и профинансировано одними "бедными террористами". За ними могут стоять конкуренты – восточные миллиардеры, нефтяные магнаты, теоретики джихада и т.п. Причем Усама Бен Ладен – всего лишь один из них. Из него сделали самый одиозный, ненавистный символ, в тени которого действует, возможно, целый ряд таких Бен Ладенов. В истории с Бен Ладеном, однако, еще много неясного. Недаром в США запретили показывать фильм М. Мура "9/11 по Фаренгейту", который изобличает связи семейств Дж. Буша и Бен Ладена.

И здесь настала пора сказать о том, что атаки террористов на мировой капитал, мотивы их "деятельности" часто близки по духу действиям **антиглобалистов**. А это еще одна проблема современности. Антиглобалисты, с одной стороны, не приемлют такие последствия глобализации, как стирание личности человека, цинизм, оболванивание обывателя и т.п., т.е. духовный урон личности. Во всех странах мира антиглобалисты неистово громят "Макдоналдсы". Для них это символ американского образа жизни, который, как говорит их лидер команданте Маркос, "опутывает Землю отравленными нитями компьютерных сетей" (хотя сам ими успешно пользуется, управляя движением из джунглей Мексики через Internet!). Это образ жизни, по его мнению, разлагает величайшие культуры Африки, Европы, Латинской Америки, уничтожая духовно целые народы. О том же, фактически, говорит митрополит Владимир: "Американизация заражает народы душевной болезнью,

² По мнению авторитетной газеты "The Washington Post" (2003), в результате войны в Ираке недоверие к США резко увеличилось. 74 % жителей Индонезии "очень или в какой-то степени обеспокоены" по поводу того, что США могут представлять угрозу для их страны. Такую же тревогу высказали 72 % нигерийцев, а также 71 % жителей России и Турции.

раскалывает национальное самосознание". Отечественные политологи и философы бьют тревогу, указывая на то, что с помощью Internet властные и иные структуры (вроде Всемирного Банка) стремятся влиять на сознание людей, особенно молодежи, для *программирования* эволюции общества в заданном направлении. Не случайно, что во время встречи лидеров "восьмерки" в Генуе антиглобалисты выдвинули лозунги "Долой Всемирный Банк" и даже "Смерть Всемирному банку!" (10). Сказанное, впрочем, не означает, конечно же, что Internet нужно запретить. Необходимо вырабатывать и действительно воплощать в жизнь более конструктивные методы работы со Всемирной сетью. Одновременно нужно указать на то, что есть, опять-таки, как и в случае с терроризмом, заинтересованные и очень богатые люди, которые спонсируют антиглобалистское движение, используя его в своих далеко небескорыстных целях.

Наконец, еще одна проблема, которой хотелось бы коснуться – это проблема **демографическая**, которая, в той или иной мере, связана с другими глобальными проблемами человечества, и в том числе с проблемой терроризма и экстремизма.

Сегодня население Земли каждые 4-5 дней увеличивается на 1 млн. чел., иначе говоря, ежедневный чистый прирост населения составляет 200-250 тыс. чел. К 2050 г. население планеты, возможно, достигнет 10 млрд. чел. При этом уже сегодня к "европейцам" относится лишь 21 % мирового населения. Это не случайно. Еще в 1970-х гг. показатель суммарной фертильности (число детей на одну женщину детородного возраста) составлял для целого ряда европейских стран цифру ниже 1,99, в то время как для простого воспроизводства уровень должен быть не ниже 2,1, а если говорить о каком-то приросте, то уровень должен быть не ниже 2,6. Эта ситуация не изменилась в 1980-1990-е гг. Некоторые авторы даже заговорили о "распаде Запада". В свете таких цифр неудивительны прогнозы на XXI век, к концу которого "европейцев" останется не более 10-15 % (11). Арабо-мусульманский мир активно "выплескивается" за свои пределы. В одной Франции живет свыше 5 млн. человек мусульманского населения. В целом, только в одной Западной Европе в настоящее время живет более 20 млн. легальных иммигрантов, в основном, из развивающихся стран (турки – в Германии, арабы и турки – в Скандинавии, арабы и иранцы – в Испании и т.д.). Есть данные, что мусульмане составляют свыше 20 % населения Западной Европы. Очень мощным фактором является китайская иммиграция. С 1990 г. китайские диаспоры увеличились в Англии, Германии и Франции в полтора раза. Каждый китаец, устроившийся в стране, со временем перетаскивает к себе до 50 родственников и друзей. За последние двадцать лет из Китая выехали от 5 до 25 млн. чел. В США легально живут 17 млн. китайцев. Множатся они и у нас в Приморье, где эмигранты составляют до 20 %

населения. Один мой знакомый, известный и весьма компетентный востоковед, говорит, что в китайской культуре нет агрессивности. И это правда: как писал один из русских путешественников XVIII в. "ибо убийцы [у китайцев] всячески Небу и богам мерзки суть" (12). Но при всем том в новых для себя странах китайцы быстро размножаются и берут в свои руки многие отрасли экономики. Например, в Индонезии 4 млн. китайцев контролируют три четверти частного бизнеса, похожая ситуация в Малайзии и Сингапуре, где хуацяо – заморские китайцы - сосредоточили в своих руках крупнейшие банки (13). А в США диаспора и вовсе добилась невиданного успеха. Не так давно этнический китаец Лон Цзяхэй стал губернатором штата Вашингтон!

Таким образом, в мире проглядывают признаки будущего нового "великого переселения народов" и уже вполне определенно можно говорить о **демографической агрессии** или об одновременном вынужденном или целенаправленном переселении больших масс людей из неблагоприятных стран и регионов в более благополучные. Эта агрессия имеет мест и на Кубани. В частности, речь идет о проблеме турок-месхетинцев, живущих анклавом в районе Новороссийска, в так называемых "Волчьих воротах" – стратегически важном месте нашего края. Во многих селах на тысячу родившихся детей – 500 турецких. Преступность турок более чем втрое превышает средний уровень. По мнению В.А. Бекетова, председателя законодательного собрания Краснодарского края, компактное расселение в стратегически важном пункте – результат целенаправленного действия определенных зарубежных исламистских центров (14). Есть и другие примеры активизации национальных диаспор на территории края. Помимо чисто социально-экономических проблем, нарушение определенного национального баланса, "национальных" социокультурных и т.п. ниш может привести к росту экстремизма, как пришлого, так местного ("скинхеды" и т.п.). Ведь число русских в стране сократилось за последние 10 лет, по официальным данным, на 2 миллиона, при одновременном естественном приросте исламской составляющей на те же 2 миллиона. Левые же силы настаивают на том, что "русская катастрофа десятилетия" измеряется 17-22 млн. жизней (15). И это на фоне общего сокращения населения страны (реальные потери населения РФ по сравнению с концом 1991 г., составляют, по некоторым данным, до 30-35 млн. чел.). Регионы с компактным проживанием переселенцев из других стран являются основой для "косовских вариантов" на территории России, да и других государств. Недаром, по данным ВЦИОМ, число людей, опасющихся столкновений на национальной почве за последние 10 лет возросло на 20 %.

Впрочем, по данным некоторых мировых и российских СМИ, к проблеме "демографической агрессии" вполне может добавиться и проблема "экологических беженцев". Ряд экспертов прогнозирует не

столько "глобальное наводнение", широко разрекламированное Голливудом, а "глобальную засуху", которая уже к 2025 г. может привести к наступлению пустынь на обжитые территории в обширных районах мира, в результате чего десятки миллионов человек мигрируют из неблагоприятных в экологическом отношении регионов в страны с относительно нормальным климатом.

Таким образом, ситуация в мире в начале XXI в. рисует нам довольно непростые, и часто – тревожные перспективы на ближайшие 20-50 лет, которые требуют незамедлительной реакции как мирового сообщества, так и граждан и правительства нашей страны.

Вопрос: Как Вы расцениваете перспективы РНЕ в России?

Ответ С.Л. Дударева: Позиции РНЕ и других подобных организаций напрямую связаны с социально-экономическим положением в стране и ситуацией с "национальными нишами". Как свидетельствует Директор Центра по изучению ксенофобии и экстремизма Института социологии (г. Москва) Эмиль Паин, по оценкам экспертов, в России более 50 тыс. "ультра". И годовой прирост их составляет 20 %. (16). Но они еще не имеют общей структуры и единого руководства³.

Дополнение С.В. Назарова: У РНЕ нет соответствующего интеллектуального потенциала для наращивания своих позиций в обществе.

Выступление к.и.н., доцента С.В. Назарова

Уважаемые коллеги! Позвольте продолжить тему предыдущего выступления и заострить Ваше внимание на проблеме "Ислам и терроризм".

Выход на авансцену политической жизни сторонников использования ислама в политических целях - один из главных социальных феноменов мусульманских стран конца XX - начала XXI в. Ряд факторов внутреннего и внешнего характера обусловили такое развитие. Нерешенность острых социально-экономических проблем, продолжающееся несправедливое положение в международных отношениях, несостоятельность социалистической и капиталистической моделей развития общества в этих странах способствовали переходу фундаменталистов на позиции политического экстремизма. Фактически проблема политизации исламского вероучения стала отражением экстремальной формы борьбы за большую долю участия в мировой политике, реакции на доминирующее положение западных стран в международных отношениях, попытки утверждения национального (конфессионального) суверенитета или стремления к решению внутренних проблем путем установления «исламского» порядка. Вместе с тем внешние силы достаточно активно

³ По сообщениям прессы, относящимся к июлю 2004 г., организация "Русское национальное единство" ныне распалась (17).

воздействовали на внутривластные процессы, используя их в своих интересах (18).

Исламский фундаментализм (салафизм) не тождествен экстремизму, а тем более терроризму. Однако проблема в том, что под лозунгами салафизма, панисламизма происходит мобилизация людей на борьбу за передел мира, власть и т.д. В категорию организаций, действующих под такими лозунгами, попадают около 200 современных радикальных исламских партий и организаций: "Аль-Каида" (Афганистан, Ближний Восток), "Хизбут-тахрир" (Центральная Азия, Ближний Восток), "Братья-мусульмане" (Ближний Восток), "Вооруженная исламская группа" (Алжир), "Исламская группа" и "Джихад" (Египет), "Реформа и вызов" (Иордания), "Исламское движение Курдистана" (Ирак), "Ат-такфир вальхиджра" (Египет, Ливан), "Боевая исламская группа" (Ливия), "Сторонники Аллаха" (Ливия), "Асбат аль-ансар" (Ливан), "Хамас" (Палестина) и другие (19). Для многих из них характерны повышенная интернациональность этнического состава участников; воинственность и непримиримость к существующей в стране власти, вплоть до её устранения вооруженным путем; жестокость по отношению как к внешнему окружению (использование террористических методов, похищение людей), так и к тем, кто не выполняет приказов руководства внутри организации. Радикализм салафитских групп выражается в объявлении "священной войны" ("джихада") против тех, кто стоит у власти, представителей государственного аппарата и даже тех, кто не восстает против власти и пытается быть в стороне от политики. Суннитские фундаменталисты нетерпимы к шиитскому вероучению и считают их идеи еретическими (20).

Проповедуя "возврат" к истокам ислама, современные радикальные исламисты широко используют как научно-технические достижения цивилизации, так и демократические свободы и институты для своих целей. Большинство экстремистских организаций имеют свои сайты в Интернете, где пропагандируют на весь мир свои идеи в респектабельном и приемлемом для западной демократии виде. Интернетовские серверы отсутствуют в большинстве мусульманских стран; в то же время экстремистские организации и их веб-сайты весьма привольно чувствовали себя в Британии, а некоторые (как Международный исламский фронт - МИФ) даже считаются созданными там. Есть данные об использовании западными спецслужбами радикальных группировок в качестве инструментов внешней политики против неудобных им режимов в Ливии, Ираке, Иране (21).

После событий 11 сентября 2001 г. правительства арабских и европейских стран стали строже подходить к проблеме терроризма. В настоящее время большинство правительств исламского мира

заинтересованы в борьбе против собственных экстремистских организаций, ратующих за прекращение контактов с "Большим сатаной" и его прислужниками. Эта борьба становится все более актуальной для режимов по мере увеличения темпов их интеграции в систему мирохозяйственных связей. Методы борьбы с религиозными экстремистскими движениями могут быть различными в зависимости от характера этих движений. В Египте, Йемене, Иордании и Таджикистане, например, часть фундаменталистской оппозиции вошла в правительственную коалицию (22). В Алжире, напротив, правительство использует силовые методы подавления радикальных исламистов (23). После 11 сентября наблюдается тенденция объединения Запада и многих режимов исламских стран в борьбе с религиозным экстремизмом. Такая тенденция четко прослеживается в политике Алжира, а также режима Х. Мубарака в Египте (24). Кроме того, в политике государств Запада наметилось также некоторое единение по вопросу терроризма. Если до сентябрьских событий 2001 г. действия России против экстремистских групп на Северном Кавказе осуждались, то теперь они признаются составной частью мировых антитеррористических операций. Это привело к тому, что в странах Запада стали более пристально относиться к людям, исповедующим и пропагандирующим экстремистские идеи. Например, в Лондоне был арестован лидер египетской "Аль-гамаа аль-исламия" Яссер ас-Сирри, который хотя и отказался от методов насилия, сбежав из Египта 8 лет назад, но продолжал, как и другие базирующиеся в Лондоне радикальные исламисты, пропагандировать экстремистские идеи по факсу и через Интернет. В современной обстановке соображения безопасности заставляют арабские правительства, даже такие, как Марокко и Алжира, сотрудничать друг с другом, а государства, ранее считавшиеся раем для ищущих убежище исламских экстремистов (Судан, Йемен и Объединенные Арабские Эмираты), значительно упростили процедуру экстрадиции.

Вместе с тем многие страны продолжают подходить к проблемам сепаратизма, экстремизма и терроризма с различными стандартами, что затрудняет борьбу с этими явлениями на международном уровне (24а).

Радикальные группировки, прикрывающиеся исламскими лозунгами, зачастую используют так называемые неправительственные организации, являющиеся одним из показателей развития демократии в западных странах, для образования инфраструктуры и завоевания популярности в обществе как одного из этапов на пути к власти. Они создают себе социальную базу поддержки в бедных и средних слоях населения, обеспечивая необходимые потребности людей в таких сферах, как здравоохранение, образование, городская инфраструктура, спорт и т.д.

Подобные методы применяет созданная в Палестине в 1987 г. во время интифады (палестинского невооруженного восстания) организация "Хамас", в основе деятельности которой лежат идеологические положения доктрины "Братьев-мусульман". Цель "Хамас" - установление исламского палестинского государства на территориях как оккупированных Израилем, так и его самого. Она ведет свою деятельность через нелегальные подпольные группы, используя легальные подразделения, работающие через мечети и социальные учреждения, которые мобилизуют новых членов, проводят сбор денег и организуют пропагандистскую работу. Боевики собраны в группы под различными названиями, в том числе в "Подразделения Аяш", "Бригады Из ад-Дин аль-Касим" и т.п. (25).

Подводя итоги можно сделать вывод о том, что феномен современного политического терроризма входит составной частью в фундаментальную проблему человечества, каковой является применение насилия ради достижения определённых целей. Он неизменно сопутствует циклическому процессу перехода от войны к миру и наоборот. Следовательно, полностью изжить терроризм в настоящее время не удастся, пока из человеческой практики не исчезнет сам феномен применения насилия для достижения поставленных целей. То есть при определённых условиях обязательно найдутся отдельные индивидуумы, группировки или даже страны, которые обратятся к арсеналу террористических методов в силу целого ряда причин: от собственной слабости, препятствующей открытому противостоянию некой угрозе или вызову, до намерений замаскировать свою активность. Однако это ни в коей мере не означает, что с терроризмом не надо бороться или что борьба с ним заведомо проигрышна. Если нельзя изжить терроризм совсем, то необходимо строго ограничивать его проявления. Для этого, прежде всего, надо создать такие условия, при которых стало бы «невыгодно» (или невозможно) прибегать к терроризму при решении спорных вопросов или конфликтов, а также устранить социально-экономические и политические условия создающих почву для активного распространения террористической идеологии.

Следует помнить, что терроризм – это сложное социально-политическое явление, в основе которого лежит спектр социальных противоречий, включающий экстремистскую идеологию, структуры для проведения террористических действий. Следовательно, необходим серьёзный и глубокий подход, предполагающий комплексные методы борьбы с терроризмом: насилие в отношении террористов, контрпропаганда и государственный контроль за средствами массовой информации, отказ в условиях глобализации от европоцентризма и тем более американоцентризма, преодоление социально-экономического разрыва между Севером и Югом.

В связи с последним мы придерживаемся мнения тех исследователей, которые считают, что употребление выражения исламский (мусульманский) терроризм достаточно не корректно, так как у обывателя это порождает искажённое восприятие ислама как религии проповедующей насилие, террор и т.д. Терроризм в настоящее время не имеет ни национальной, ни конфессиональной окраски, хотя зачастую и прикрывается религиозными и национальными лозунгами. Другое дело, что отношение Западной цивилизации к мусульманскому миру с позиций европоцентризма, стремление «навязать» европейские ценности восточному человеку, отрицание своеобразия мусульманской цивилизации породило ответную реакцию представителей этой цивилизации, привело к усилению экстремистских и радикально-фундаменталистских направлений ислама, что, в конечном счёте, породило террористическую активность, ставшую основной формой противостояния Востока Западу. Осознание этого поможет сплотиться всему человечеству в борьбе против терроризма - чумы конца XX - начала XXI вв.

Вопрос: Как вы полагаете, возможно ли объединение разрозненных террористических исламских организаций в единое движение или партию?

Ответ С.В. Назарова: Глубокие доктринальные различия, противоречивые общие цели скорее приведут к взаимному противоборству исламистских группировок, чем к организации совместных действий. Их социальная база остается раздробленной по географическому и конфессиональному признакам, причём сунниты относятся к одним организациям, а шииты - к другим. Отсутствие единства ослабляет и не позволяет ни одной из них прийти к власти, хотя наиболее влиятельные создали свое политическое, социальное и экономическое присутствие в различных мусульманских общинах, например, "Аль-Каида".

Вопрос: В настоящее время в СМИ чаще всего упоминается из террористических организаций "Аль-Каида". Когда эта организация была создана и что лежит в основе её программы?

Ответ С.В. Назарова: В период суданской эмиграции (1991-1996) Бен Ладен приступил к созданию военизированной организации радикальных исламистов "Аль-Каида". Новая структура должна была иметь многочисленные филиалы за рубежом, опирающиеся на местные мусульманские общины. Бен Ладен установил тесные контакты с лидерами запрещенных в Египте организаций "Аль-гамаа аль-исламия" (А.Я. Тяху) и "Аль-джихад аль-исламий" (А. Завахири). Люди Бен Ладена выезжали для организации местных ячеек в страны Ближнего Востока, Европы и США. Наиболее известны следующие группы "Аль-Каиды": "Организация исламская армия", "Мировой исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев", "Исламская армия освобождения святынь", "Сеть Усамы бен Ладена", "Организация Усамы бен Ладена", "Исламская основа спасения".

Идеологически Бен Ладен проповедует панисламизм, в основе которого лежат представления о вненациональном единстве и равенстве всех мусульман перед Аллахом. Благодаря панисламизму организация пользуется поддержкой не только арабов, но и других мусульман. Это позволяет членам "Аль-Каиды" проникать в самые различные мусульманские организации во всех частях света. Задуманные и финансируемые в "Аль-Каиде" операции осуществляются на местах такими организациями, как "Абу Саяф" на острове Минданао (Филиппины) или "Исламская партия Туркестана" в Центральной Азии. Другими ассоциированными организациями "Аль-Каиды" являются террористические группировки в Кашмире, борющиеся за отделение штата от Индии, "Хезболлах" в Ливане, "Хамас" на оккупированных территориях Палестины.

Выступление ст.преподавателя, к.и.н. Ю.В. Приймака.

Уважаемые коллеги! В своем выступлении я коснусь темы «Кубань в системе внешнеполитических связей России на рубеже XX-XXI вв.». Говоря о роли региона, включающего в себя значительные области Азово-Черноморского побережья, Степного Предкавказья, Северо-Западного Кавказа и непосредственно выходящего в Закавказье, трудно не заметить, что перечисленные территории имеют огромное геополитическое, военно-стратегическое и экономическое значение как для России, так и районов Юга Европы, Причерноморья и Восточного Средиземноморья. Важную роль в определении возросшего статуса Кубани играет то обстоятельство, что Краснодарский край располагает запасами природных ресурсов, развитой агропромышленной сферой, сетью коммуникаций и квалифицированной рабочей силой.

Изменение статуса региона и его интеграция в систему внешнеэкономических и внешнеполитических связей непосредственно сопряжены с событиями 90-х гг. XX века, когда после распада СССР Краснодарский край, ранее граничивший лишь с союзными республиками, приобрел статус пограничной территории (26; 27).

Новые условия не только открыли перспективу международной интеграции, но и вызвали ряд внешнеполитических проблем и кризисных ситуаций. Так, в 1992-1993 гг. возникли трудности делимитации границы России с Грузией, в связи с неразрешенным до сих пор конфликтом в Абхазии и отсутствием правового статуса автономии. Другой внешнеполитической проблемой стал раздел акваторий Азовского и Черного морей между Россией и Украиной. Возникшая в этой связи напряженность непосредственно затронула экономические интересы Краснодарского края как субъекта Российской Федерации, на территории которого расположены Новороссийский порт с его значительным внешнеторговым оборотом, рыбные промыслы Приазовья и Тамани, сегменты нефтяных и газовых трубопроводов международного значения.

Успешному разрешению спорных вопросов по разделу экономической зоны Азово-Черноморского бассейна и статусу Керченского пролива также предшествовал длительный конфликт вокруг принадлежности косы Тузла, вызвавший в 2003-2004 гг. обострение российско-украинских отношений.

Процесс интеграции региона в мировую экономическую и политическую систему невозможен без развития международных связей в сфере бизнеса, туризма, научно-образовательной сферы, межличностных и гуманитарных контактов. В этой связи на территории Краснодарского края действовали и продолжают работу ряд представительств и консульств государств СНГ и дальнего зарубежья (Беларусь, Греческая республика, Турецкая республика). Однако наряду с положительными итогами расширения международных связей регион столкнулся с проблемой необходимости контроля за переселенческими процессами, вызванными гуманитарными катастрофами, военными столкновениями (Карабахский и Абхазский конфликты), а также этнической миграцией, вызванной обострением межнациональных отношений (проблема турок-месхетинцев) и ухудшением экономической ситуации в странах СНГ. Особенно важным решение этих проблем видится в контексте борьбы с религиозным и политическим экстремизмом и международным терроризмом.

Многие внешнеэкономические и внешнеполитические процессы конца 80-х – 90-х гг. XX века, имевшие негативные последствия, во многом были обусловлены как ослаблением СССР, так и периодом становлением России как его правопреемницы, что сопровождалось отсутствием должного контроля за внешней сферой в области государственной и экономической безопасности (28; 29). Лишь разграничение компетенции между федеральным центром и субъектами федерации (30; 31) в том числе, и по вопросам внешнеполитических контактов, сделало возможным упорядочить и систематизировать отношения регионов с зарубежными государствами, мировыми финансовыми, политическими, гуманитарными организациями и институтами.

Так, в период с 2000 по 2004 гг. Краснодарский край с целью налаживания двусторонних контактов в различных целях посетили делегации Евросоюза, США, Нидерландов, Великобритании Дании, чиновники комиссариата Совета Европы по правам человека, представители крупнейших банков и финансовых структур. В Краснодарский край увеличился поток инвестиций, открываются кредитные линии, а на территории региона построены предприятия таких фирм как "Клаас", "Бондюэль", "Нестле", "Филип Моррис" и других (32), что обеспечивает увеличение количества рабочих мест и отчисления в местный бюджет.

Таким образом, Кубань не только обеспечивает продвижение своих интересов в системе международных отношений, но и использует

благоприятную внешнеполитическую и внешнеэкономическую конъюнктуру для собственного развития как субъекта Российской Федерации.

* * *

В заключение итоги семинара подвел д.и.н., проф. С.Л. Дударев. Участники семинара, учителя средних школ Новокубанского района выразили благодарность преподавателям кафедры всеобщей истории АГПУ за содержательные выступления и ответы на вопросы и выразили пожелание продолжать контакты в ближайшем будущем.

Примечания

1. "Аргументы и факты" (далее АИФ). № 19. 2004.С.11.
2. "Отечественные записки". 28.02.04. Вып. № 34. С.2-3.
3. "Сов. Россия". № 21. 22.03.03.
4. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995.
5. Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг./ Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Армавир, 2004. С.23.
6. АИФ. № 36. 2003. С.13.
7. Там же.
8. Беликов В.П. Рим и эллинизм. Основные проблемы политических, экономических и культурных контактов/ Автореф. дисс... докт. ист. наук. – Ставрополь, 2003. С.40.
9. "Деловой вторник".25.09.2001.
10. Андреев И. Всемирный Разум или Всемирный Банк? //Российская Федерация сегодня. № 2. 2002. С.57-58.
11. АИФ. №42.2001. С.3.
12. Цит. по: Благодер Ю.Г. Документальные свидетельства о путешествии в Китай участников посольской миссии С.В. Владиславича-Рагузинского //Проблемы всеобщей истории. Вып.9. – Армавир, 2004. С.139.
13. АИФ. № 48. 2002. С.6-7.
14. "Вольная Кубань". № 2(50).2001. С.3.
15. "Сов. Россия".№ 77. 10.VI.04.
16. АИФ. № 19.2004. С.4.
17. АИФ. ЮГ. № 30. 2004.
18. Кондратьев В. Активизация деятельности исламских экстремистских организаций // Зарубежное военное обозрение. – М., 2001. № 11. С. 3-6.
19. Ахмед С. США и терроризм в Юго-Западной Азии// Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: РЖ/РАН ИНИОН. – М., 2003. №2. С.25-30.

20. Малашенко А.В. «Исламский фактор» в этнополитических конфликтах // Научно-методическая конференция «Востоковедное образование в университетах России»: Тезисы докладов. - М., 2000. С.151.
21. Рашид Ахмед. Талибан и ислам // [http:// www.the pioneer.com/intemational/oct21_mideast.htm](http://www.thepioneer.com/intemational/oct21_mideast.htm).
22. Малышева Д.Б. Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 7. 112.
23. Зотов О.В. Глобализация и международный терроризм: генетическое родство // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. –М., 2003. С.38.
24. Марков К.В. Противостояние ислама и западной либеральной цивилизации. Сбудется ли прогноз Самюэля Хантингтона? // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. –М., 2003. С.71.
- 24а. Это ярко подтвердили трагические события в Беслане. Обзор западной прессы показывает, что часть мирового сообщества по-прежнему придерживается их оценки в духе политики "двойных стандартов". См.: АИФ. № 36. С.5. – *Отв. за выпуск*.
25. Миркасымов Б. Влияние радикальных исламистских организаций на развитие ситуации в регионах Ближнего и Среднего Востока// Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. –М., 2003. С.122.
26. Прилепский В.В. Региональный политический процесс как фактор геополитической стабильности Северокавказского региона (Краснодарский край). Ростов на Дону. 2003. С.1-2.
27. Прилепский В.В., Самаркина И.В. Демократические транзиты и региональный социум (Краснодарский край) // Политика. 2001. №4 (18). С2.
28. Кулик Г.В. Живое село – живая Россия. М., 2003. С.26.
29. Кулик Г.В., Узун В.Я. Земельная реформа в России и регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения. М., 2003. С.18.
30. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1991. №34. Ст.1144.
31. Там же. №35. Ст.1151.
32. «Кубань сегодня». №124 (1768). 7 июня 2003. С.1.

МЫ И МИР

(зарубежные связи кафедры всеобщей истории)

Цель настоящей статьи – в представлении краткого обзора истории развития связей представителей кафедры всеобщей истории Армавирского государственного педагогического университета с отдельными учеными, а также научными и научно-педагогическими учреждениями и организациями дальнего зарубежья. Актуальность такой работы заключается в том, что наш вуз, как и другие вузы РФ, стремится к налаживанию тесных контактов с научными и образовательными центрами других стран, интеграции в мировое научное образовательное пространство, что будет способствовать повышению уровня преподавательской и научно-исследовательской работы в АГПУ.

Кафедра всеобщей истории АГПУ была создана в 1993 г. Первым ее заведующим является д.и.н., профессор В.Б. Виноградов, который в начале 1990-х уже имел опыт работы с зарубежными коллегами, восходящий к 1970-1980-м гг. Именно тогда В.Б. Виноградов установил и поддерживал связи с такими учеными, как известный польский нумизмат Анджей Миколайчик (Лодзь), крупный венгерский археолог Иштван Эрдели (Будапешт) и видный немецкий археолог Рената Ролле (Гамбург). В то время, собственно говоря, во многом и определились основы той модели взаимодействия с зарубежными специалистами, которая продолжает работать и по сей день.

Ее довольно простая суть заключается в том, что для того, чтобы оказаться в поле зрения иностранных коллег (причем отнюдь не имея этого в качестве самоцели!) нужно, прежде всего, быть прочно включенным в отечественное "научное поле". Кстати сказать, в эпоху "застоя" советские специалисты с т.н. "периферии", в массе своей, вовсе не помышляли о зарубежной популярности, что было доступно лишь наиболее известным и, к тому же, "выездным" столичным коллегам.

В.Б. Виноградов появился на этом "поле" еще будучи студентом, участвуя в организации и проведении научных студенческих конференций в МГУ им. М.В. Ломоносова, где обучался на историческом факультете. Именно тогда устанавливались первые знакомства будущих ученых, которым, как пророчески сказал нынешний акад. РАН, зав. кафедрой археологии МГУ В.Л. Янин, предстояло определять лицо отечественной науки в конце XX в. А после окончания вуза началась большая самостоятельная работа в Чечено-Ингушетии, результаты которой не заставили себя долго ждать и ознаменовались целым рядом книг и статей молодого ученого, привлечших к себе пристальное внимание специалистов, несмотря на кажущуюся удаленность от столичных академических и др. научных центров.

Интерес коллег был вызван, прежде всего, актуальностью, новизной, многогранностью, высоким научно-исследовательским уровнем работ

грозненского ученого, часто печатавшегося в соавторстве с учениками и северокавказскими краеведами, что выводило их на всесоюзную научную "орбиту". Работы эти публиковались не только в Центре, в таких известных отечественных журналах, как "Советская археология", "Вопросы истории", "Вестник древней истории", "История СССР" и др. (заметим, всегда читавшихся учеными других стран), но выходили в республиканских, региональных и местных изданиях. Таковы, например, киевские сборники "Скифские древности", "Скифия и Кавказ", журнал "Известия Северокавказского научного центра высшей школы" (Ростов-на-Дону), журнал АН Грузии "Мацне", "Археолого-этнографический сборник" (г. Грозный) и др., в которых печатали свои работы ученые из академических учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и др. Шли годы, и во всесоюзных изданиях появлялись и самостоятельные публикации членов археолого-краеведческого кружка, возглавляемого В.Б. Виноградовым.

Кроме того, обмен информацией, идеями и т.п. шел, как всегда, на научных конференциях, как "взрослых" (Всесоюзные археологические сессии, конференции по проблемам скифо-сарматской археологии, "Крупновские чтения" и т.д.), так и студенческих (Региональные и Всесоюзные археологические и этнографические конференции) с широкой географией: Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону, Тбилиси, Ереван, Махачкала, Нальчик, Черкесск и др. На тех и других получали первые опыты своей публичной научной деятельности питомцы нарождавшейся тогда научной школы В.Б. Виноградова (как жаль, что сейчас молодое поколение ученых, прежде всего, живущих в регионах, во многом лишено возможностей такого плодотворного взаимодействия).

Еще одним важным фактором ее научных контактов был (и остается по сей день) обмен литературой, когда вышедшие на местах сборники со статьями "виноградовцев" регулярно отправлялись по почте коллегам из других ВУЗов и НИИ нашей страны. Причем список рассылки включал (и, не боюсь показаться назойливым, включает и поныне) по несколько десятков фамилий и организаций. Виталий Борисович часто шутит: "Хожу на почту, как на работу". Это "хождение" сопровождает уже много лет и выход любой заметной работы автора данной статьи и других его коллег... Конечно, мы тогда еще не знали термина "PR" (пиар, public relations, связи с общественностью), но действовали именно по его законам.

Словом, как бы то ни было, но международный аспект всей этой разносторонней работы вполне органично выразился в постепенном появлении в этих списках рассылки и имен зарубежных ученых, которые все чаще стали интересоваться работами ученого из Чечено-Ингушетии, а затем и его младших коллег и учеников. А вслед за этим пошли приглашения к сотрудничеству и в зарубежных изданиях появились

первые публикации В.Б. Виноградова (статьи в Варшаве и Лондоне с А. Миколайчиком, статья в Будапеште, переизданная в Токио статья из "Вопросов истории" и др.) (Vinogradov V., Mikolaiczuk A., 1977. S.129-144; Vinogradov V., Mikolaiczuk A., 1980. P.155-156; Виноградов В.Б., 1981. . с.160-173 Vinogradov V., 1983. S.211-220;). Впрочем, еще ранее в известном римском журнале "East&West" вышла рецензия Гуго Гляйзера на научно-популярную книгу В.Б. Виноградова "Тайны минувших времен", изданную в г. Москве в 1967 г.⁸ Итак, первый важный шаг был сделан! Однако об участии в зарубежных научных конференциях речь тогда еще не шла – время для более широких контактов с Западом и даже странами "народной демократии" в то время для нас еще не настало.

Новый этап в деятельности школы В.Б. Виноградова в направлении зарубежных связей знаменательно совпал с эпохой "перестройки". Расширение обмена с зарубежьем (которое тогда еще не делилось на ближнее и дальнее) привело к вовлечению в контакты с иностранными коллегами и учеников Виталия Борисовича. Первым, кто включился в существующие контакты и стал устанавливать свои собственные, был автор этой статьи. В декабре 1990 г. мне довелось принять участие в своей первой международной конференции в г. Кишиневе, на которой были представлены ученые из СССР, Румынии, Польши, Болгарии, Ирландии (Дударев С.Л., 1991. С.122-124). Установленные тогда связи не прерываются и по сей день, но уже с археологами Приднестровья, продолжающими традицию проведения симпозиума, родившегося в 1990 г. (Дударев С.Л., 2002. С.216-218).

Появлялись и другие возможности. Еще в 1982 г., во время одной из поездок в г. Киев, на сдачу кандидатского экзамена по специальности в Институте археологии АН Украины, где позднее произошла и сама защита кандидатской диссертации, я познакомился с д-ром Ренатой Ролле (она еще с 1970-х гг., изучив русский язык, часто бывала на Украине, где принимала участие в археологических исследованиях скифских древностей). Позднее, в конце 1980-х гг., через ее посредничество, мне удалось установить переписку со старейшим и авторитетнейшим немецким археологом Георгом Коссаком. Замечу, кстати, что старые и добрые коллеги из Института археологии АН Украины с давних пор выполняли роль важного связующего звена, через которое устанавливались контакты с европейскими учеными (А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Е.В. Черненко, В.Ю. Мурзин, С.А. Скорый, С.В. Махортых и др.).

Осуществлять научную переписку с германскими коллегами помогал преподаватель немецкого языка, доцент ЧИГУ им. Л.Н. Толстого Д.Я.

⁸ В дальнейшем рецензии на работы В.Б. Виноградова увидели свет в Берлине, Варшаве, Лос-Анджелесе (28, с.157).

Гооге. Результатом этой переписки было приглашение автора на международную научную выставку и конференцию "Gold der Steppe" ("Золото степей") в Германию, проходившую в июле 1991 г. в земле Шлезвиг-Хольштайн, для участия с докладом (участникам обеспечивали синхронный перевод). Но, к сожалению, побывать в Германии тогда не удалось.

Этому помешала тяжелая болезнь матери и последовавшие вскоре печально известные события августа 1991 г. Начавшаяся же после них "чеченская революция" привела к тому, что я вместе с В.Б. Виноградовым и некоторыми другими его учениками (Н.Н. Великой, Е.И. Нарожным, С.А. Головановой и др.) вынужден был в 1992 г. покинуть г. Грозный и переехать в г. Армавир. Развал советской науки тяжело отразился и на состоянии многих других десятков тысяч отечественных ученых, вынужденных вести буквально борьбу за выживание.

Отъезд из Грозного не был для меня, ни моих коллег и друзей, паническим бегством с утратой научных и иных перспектив. Еще до перехода на работу в АГПИ, в сентябре-октябре 1991 г., преодолевая всевозможные трудности и препятствия, мне удалось опубликовать подготовленные ранее к печати две монографии – "Из истории связей населения Северного Кавказа с киммерийско-скифским миром" и "Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии". На улицах Грозного тогда по ночам гремели автоматные очереди, было очень тревожно, каждую минуту приходилось, мягко говоря, ждать неприятностей... И это не пустые слова. 11 ноября 1991 г. был похищен, а затем убит ректор ЧИГУ, доктор психологии, профессор В.А. Кан-Калик. Тем не менее, не зная, что ждет впереди, но используя каждую свободную минуту от семейных забот и ухода за мамой, я вкладывал в конверты очередные экземпляры опубликованных книг и нес их на почту, отправляя итоги своей научной работы предшествовавших 20 лет - с момента окончания вуза – коллегам в стране и за рубежом. И к счастью, они достигли адресата!

Прошло время, и ссылки на эти книги появились в научной печати России и зарубежья. Уже живя в Армавире, я получил от киевского коллеги и друга, нынешнего зав. отделом раннежелезного века Института археологии НАН Украины, д.и.н. С.А. Скорого книгу крупного польского ученого, специалиста по ранним кочевникам Евразии, Яна Хохоровского, директора Института археологии Университета Ягеллонского в Кракове "Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej" ("Киммерийская экспансия на территории Средней Европы"). В ее тексте многократно цитировалась моя книга 1991 г. о связях Кавказа с киммерийско-скифским миром (Chochorowski J., 1993. S.12-23,36,45,64,70,137 и мн. др.). Чуть позже сам Я. Хохоровский, с которым мы познакомились в Кишиневе в 1990 г., прислал мне и свою рецензию на эту книгу, вышедшую в "Acta archaeologica Carpathica" (Kraków, 1993. T.XXXII. S.219-221). Ссылки на

книги, изданные в Грозном, встречались мне затем в 1990-х гг. в работах немецких ученых Георга Коссака и Кáролы Метцнер-Небельсик, венгерского исследователя Тибора Кеменцей и др., изданных в Германии, США, Франции, Италии (Kossack G., 1998. S.146, 165-167; Il mar Nero. 1994. S.21,42,43-45); Metzner-Nebelsick C., 1998. S.363,386,415; 2000, S.521; Kemenczei T., 1999/2000, S.243).

Оказавшись десять лет спустя в Германии, я встретил на полках библиотеки Евразийского отдела Немецкого археологического института эти свои очень скромно изданные, и уже порядком потрепанные, но ничуть не менее дорогие от этого моему сердцу, работы, которые увидели свет в тех драматических обстоятельствах.

Но вернемся еще на некоторое время к концу 1980-х гг. Падение "железного занавеса", которое, как выяснилось, имело столь противоречивые последствия для тех, кто этого желал, привело к тому, что на Запад выехал и ряд наших бывших соотечественников, в том числе и археологов. Среди них был бывший соискатель ученой степени у В.Б. Виноградова, немец по национальности, житель Владикавказа Анатолий Наглер. Начало его жизни с семьей в Германии было отнюдь не сказочным. В качестве археолога здесь его никто не ждал. Анатолий перепробовал ряд профессий, но, в конце концов, благодаря уму, трудолюбию и энергии, сумел оказаться среди коллег-археологов, защитив диссертацию в знаменитом Хайдельбергском университете. Сейчас – это видная фигура в изучении древностей Евразии эпохи бронзы и раннего железа, зав. отделом скифской археологии Немецкого археологического института (ДАИ) в Берлине.

В середине 1990-х гг. ему удалось разыскать В.Б. Виноградова в Армавире и вскоре установились постоянные контакты между кафедрой всеобщей истории АГПИ и Евразийским отделом ДАИ. В Берлин, для публикации в издании Евразийского отдела ДАИ "Eurasia Antiqua", были направлены статьи С.Л. Дударева в соавторстве с Я.Б. Березиным (государственное предприятие "Наследие", г. Ставрополь) и В.Б. Виноградовым о замечательных памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на Северном Кавказе – могильниках Клинь-яр III и Майртупских 2 и 4 в Чечне, которые и увидели свет в 1999 и 2000 гг. (Berezin J.B., Dudarev S.L., 1999. S.179-216; Vinogradov V.B., Dudarev S.L., 2000. S.361-403).

В марте 2000 г. д-р А. Наглер приехал с визитом в АГПИ, где ознакомился с работой кафедр всеобщей истории, а также регионоведения и специальных исторических дисциплин и археологической лаборатории, созданной в начале 1990-х гг. Забегая вперед, скажем, что сейчас на базе лаборатории сложился археологический центр АГПУ, возглавляемый к.и.н., доцентом, докторантом кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин Е.И. Нарожным, проводящий результативные

полевые исследования на Средней Кубани. Новым этапом в сотрудничестве кафедры всеобщей истории и Евразийского отдела было приглашение автора этих строк, заведующего кафедрой с 1998 г., в Берлин качестве стипендиата ДАИ, в апреле 2001 г.

Германский археологический институт (по исторически сложившейся традиции он является структурой МИД ФРГ) предоставил мне как стипендиату широкие возможности для работы. Это учреждение оплатило дорогу, а также проживание в Берлине (в виде стипендии), допустило к работе в богатой библиотеке ДАИ (каждому стипендиату предоставляются ключи для доступа во все отделы библиотеки, кроме, разумеется, сугубо служебных, в любое удобное для приезжего исследователя время, право беспрепятственно и бесплатно ксерокопировать ценную научную литературу). Работа стипендиата основана на полном доверии к нему со стороны хозяев и нарушить хотя бы в чем-то это доверие, естественно, невозможно. На высоком уровне находятся и бытовые условия в гестехаузе (общежитии) ДАИ для приезжающих стипендиатов из различных стран мира: спальные комнаты с необходимым оборудованием, кухни, комната отдыха и т.п. Сам институт находится в берлинском районе Далем, где, несмотря на вереницы легковых автомобилей, стоящих вдоль улиц, на которых расположены 2-3-х этажные виллы, воздух чист, много сосен и елей, с дерева на дерево порой перескакивают белки, а на поляне посередине двора иногда можно увидеть пернатую дичь (!).

В библиотеке ДАИ автору удалось ознакомиться не только с европейскими изданиями на немецком и английском языках, касающимися своей научной темы (археология позднего бронзового и раннего железного века Центральной, Юго-Восточной Европы и Кавказа) и тем аспирантов и преподавателей кафедры всеобщей истории (история средних веков, гендеристика и т.д.). В библиотеке Евразийского отдела, который непосредственно курировал мои научные исследования, собрано большое количество работ отечественных (советских и российских) ученых, а также публикаций историков и археологов из стран СНГ. Такой интерес к трудам ученых из постсоветского пространства не случаен. Сотрудники Евразийского отдела ведут регулярные раскопки в России. Изучать историю Евразии, не зная работ российских ученых, невозможно. Поэтому ряд научных сотрудников Евразийского отдела, начиная с тогдашнего зав. отделом доктора, профессора Германа Парцингера, хорошо говорят по-русски.

Германский археологический институт подарил АГПУ небольшую библиотеку ценных изданий на немецком языке по археологии, этнографии и древней истории, которая совсем недавно была переслана А.О. Наглером из Берлина в Армавир по почте и хранится сейчас на

кафедре всеобщей истории. Ее потенциал должен быть востребован для написания квалификационных и научных работ по кафедре.

Во время своего пребывания в Берлине для сотрудников Евразийского отдела ДАИ и других стипендиатов нами был сделан обстоятельный иллюстрированный доклад об уникальных материалах могильника Клин яр III в г. Кисловодске, содержащего находки, имеющие аналогии в памятниках Центральной и Восточной Европы, Закавказья и Передней Азии эпохи раннего железа (шлемы ассирийского типа и т.п.). Доклад был подготовлен совместно с учеными из Ставрополя и университета Ридинга (Великобритания) – директором государственного предприятия "Наследие" А.Б. Белинским и доцентом Х. Харке. В библиотеке ДАИ нами было обработано большое количество литературы на немецком, английском и русском языках, которая ныне активно используется автором при подготовке монографий и статей в дальнейшей научно-исследовательской работе, а также в процессе преподавания.

В Институте доисторической археологии при университете Мартина Лютера в г. Халле при посредничестве д-ра А. Наглера состоялись переговоры автора с директором этого Института д-ром, профессором Франсуа Бертемесом и его коллегами о научном сотрудничестве исторического факультета АГПИ в лице кафедр всеобщей истории и регионоведения и специальных исторических дисциплин с германскими специалистами по древней истории и археологии (обмен научной информацией, литературой и т.п.). Автор был принят в члены-корреспонденты Центра Археологии и культурной истории Причерноморья, действующего при Институте доисторической археологии (Aktueller Themenschwerpunkt. 2003. S.2).

В свободное от работы время удалось осмотреть исторические достопримечательности Берлина и других городов Германии (Киля, Гамбурга, Халле), посетить всемирно известные музеи Берлина – Шарлоттенбург, Пергамон (с его мировым шедевром – Пергамским алтарем), Переднеазиатский музей (с другими классическими произведениями мировой культуры – воротами Иштар, хеттской и ассирийской монументальной скульптурой, рельефами и т.д.) и др.

Уже первая зарубежная публикация, осуществленная автором в "Eurasia Antiqua" (совместно с Я.Б. Березиным), вызвала знаменательную цепную реакцию. В 2000 г. в АГПИ на имя авторов статьи пришло письмо из университета Лондона, от ответственного редактора академического научного журнала "Ancient West&East" ("Древний Запад и Восток"), выходящего в Лейдене и Бостоне, известного археолога-античника, д-ра Г.Р. Цецхладзе с приглашением к участию во втором международном конгрессе по древностям Черного моря, который был намечен на сентябрь 2001 г. в г. Анкаре (Турция). Г-н Цецхладзе – также наш бывший соотечественник, уехавший работать на Запад. В 1980-е гг. он еще

студентом бывал в г. Кисловодске, где познакомился с Я.Б. Березиным и с его помощью ознакомился с богатыми местными древностями, в том числе, результатами наших совместных со ставропольским специалистом раскопок Белореченского 2-го могильника. Таким образом, появление статьи в Германии было хорошим поводом для установления научных контактов с Г.Р. Цецхладзе, который является инициатором ряда международных научных проектов, в том числе, и указанного конгресса.

В сентябре 2001 г. состоялась первая поездка автора на зарубежный конгресс - в Турцию - который прошел в Билкентском университете (г. Анкара). В нем приняли участие свыше 150 ученых из 18 стран мира, представлявших 53 университета, музея и научно-исследовательских института. Конгресс был представительным не только по количеству принявших в нем участие специалистов - археологов и историков, но и в географическом отношении. В нем приняли участие ученые России, Украины, Великобритании, Франции, Германии, Дании, Бельгии, Польши, Италии, Испании, Греции, Болгарии, Румынии, Грузии, Турции, Египта, США и Канады. На форуме доминировали делегаты, олицетворявшие, прежде всего, университетскую науку (университеты Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Парижа, Севильи, Мюнхена, Праги, Варшавы, Софии, Мичигана, Флориды, Торонто, Каира и т.д.), хотя немало было и ученых из академических учреждений и музеев, в том числе из российских - столичных и петербургских – Института археологии РАН, Эрмитажа и т.д.

Проблематика прозвучавших докладов охватывала время I тыс. до н.э. – первых веков н.э. В центре внимания собравшихся были проблемы взаимоотношений греческой, римской и ранневизантийской цивилизаций с населением Причерноморья. В докладах рассматривались разнообразные культурно-исторические, социально-экономические и политические процессы, шедшие в причерноморском мире в указанное время и приведшие к разнообразным последствиям, в том числе, повлиявшие на развитие оседлых и кочевых народов региона по пути формирования у них раннеклассовых обществ под воздействием высоких цивилизаций Средиземноморья.

На конгрессе прозвучало также сделанное нами на английском языке выступление, подготовленное совместно с коллегами из Ставрополя и университета г. Ридинга А.Б. Белинским и Х. Харке. Оно было посвящено проблеме социальной дифференциации в среде племен знаменитой кобанской археологической культуры Центрального Предкавказья. Краткое содержание данного выступления издано в г. Анкаре в сборнике тезисов конференции (Belinsky A., Dudarev S., Härke H., 2001. P.68-69), а также размещено в Internet на сайте конференции. Полное содержание доклада будет опубликовано в сборнике материалов конференции, которые выйдут в "British Archaeological Reports" (издание Оксфордского университета).

Помимо выступления на конгрессе автор данной статьи имел большую насыщенную и крайне интересную культурную программу, вместе с коллегами посетив ряд всемирно известных памятников древних анатолийских цивилизаций – раннюю и позднюю столицы Хеттского царства - Аладжа-Хейюк и Хаттусу, гробницу легендарного царя Мидаса у древнего г. Гордиона – столицы Фригийского царства и само городище Гордиона. Последнее известно тем, что в IV в. до н.э. здесь побывал Александр Македонский, именно там, по преданию, разрубивший знаменитый Гордиев узел. Помимо этого были осмотрены и христианские древности в исторической области Каппадокии – пещерные храмы и монастыри II-XIII вв. у г. Невшехира, посещен ряд музеев Турции, в том числе, музей Анатолийских цивилизаций в г. Анкаре с его богатейшей экспозицией.

Следующая международная конференция, в которой мы приняли участие - 8-я ежегодная встреча Европейской ассоциации археологов - проходила в конце сентября 2002 г. в г. Салониках (Греция). Она была организована университетом Аристотеля г. Салоник и Министерством культуры Греции. Во встрече приняло участие более 800 делегатов из 46 стран мира: Греции, Великобритании, США, Канады, Германии, Италии, Франции, Испании, Дании, Швеции, Норвегии, Австралии, Японии и др. От России в ней приняли участие ученые преимущественно Москвы и Санкт-Петербурга, а также Ставрополя и Армавира.

Работа конференции была распределена по нескольким главным направлениям. Первое направление было посвящено теоретическим вопросам изучения материальной культуры. Во главу угла второго была поставлена проблема учета и сохранения культурного наследия. В докладах третьего направления ("Археология в современном мире"), рассматривались вопросы использования данных археологии в образовательных и воспитательных целях. Наконец, четвертое направление было посвящено тем или иным проблемам региональной археологии, например изучению бронзового века в Европейских степях, подходам к изучению средневековой Греции и т.п. Внутри направлений работа была организована в виде круглых столов, на которых дискутировались конкретные вопросы европейской археологии. На круглых столах шел оживленный обмен мнениями, в качестве языка международного общения использовался английский.

На конференции были развернуты обширные книжные выставки различных европейских издательств, специализирующихся на историко-археологической тематике, где можно было приобрести новинки научной литературы. Оргкомитет выпустил большой том с тезисами докладов участников, где опубликованы и тезисы автора, представившего совместно с А.Б. Белинским стендовый доклад (т.н. постер) о хронологии

высокоинформативных материалов могильника Клин-яр III (Belinsky A., Dudarev S., 2002. P.257-258).

Делегаты конференции ознакомились с богатыми историческими достопримечательностями г. Фессалоник и других регионов Греции. С коллегами из Москвы, Ставрополя и США мы совершили большое путешествие по Греции, посетив Дион, Афины, Коринф, Дельфы, Вергину, Пеллу и др. При этом были осмотрены древние и средневековые памятники Эллады: всемирно известные афинский Акрополь, развалины древнего Коринфа, комплекс дельфийских храмов – главного культового центра древней Греции, дворцы и гробницы македонских царей, замки эпохи средневековья, целый ряд музеев с их культурными сокровищами. Как и во время путешествия по Турции, было сделано много видеозаписей, которые вместе с приобретенными путеводителями и научными монографиями с успехом используются теперь во время чтения курса по выбору по всемирной истории ("Основные этапы всемирной истории") и курса истории средних веков.

Следующая, 9 встреча Европейской ассоциации археологов прошла в 2003 г. в г. Санкт-Петербурге, в знаменательный год 300-летия нашей "Северной столицы". Она проводилась в Санкт-Петербургском университете и оказалась еще более репрезентативной, чем конференция в Салониках. На этой конференции нами был представлен доклад, посвященный интерпретации памятников Юго-Восточной Чечни эпохи поздней бронзы – раннего железа. Он был зачитан на секции "Текущие спорные вопросы Европейского и Азиатского железного и бронзового веков" (Dudarev S.L., 2003a. P.54). Культурная программа конференции была также интересной и насыщенной, но мы не станем останавливаться на ней в связи с тем, что российские археологи и историки хорошо знакомы с памятниками Санкт-Петербурга.

Параллельно нельзя не осветить и развивающееся сотрудничество с журналом "Ancient West&East" (Древний Запад и Восток), издаваемом в Нидерландах и США одним из старейших европейских академических издательств "Brill publisher", работающим с 1683 г. (написание статей по археологии Северного Кавказа, рецензии на отечественные археологические издания, предоставление в редакцию монографий и сборников по археологической тематике и т.д.). В первом томе журнала, вышедшем в 2002 г., была опубликована информация о проведении в Армавире в 2001 г. VIII Чтений по археологии Средней Кубани.

После выхода в свет 1 выпуска "Материалов и исследований по археологии Северного Кавказа" (отв. ред. Е.И. Нарожный), изданного ЦАИ АГПУ, экземпляр сборника был направлен мной Г.Р. Цецхладзе. Спустя время Г.Р. Цецхладзе прислал мне ксерокс из "Ancien West&East", vol.2, no.1 (2002), где на с.159 в общем редакционном обзоре мировых археологических публикаций есть и информация, посвященная

археологическим издания АГПУ. Ниже дается наш перевод этого фрагмента текста.

"Центр археологических исследований, образованный в Армавирском государственном пединституте на Северном Кавказе, быстро стал важным центром изучения северокавказской археологии. Его развитие многим обязано профессору В.Б. Виноградову, который приехал сюда в 1992 г. Все его ученики последовали за ним⁹. Виноградов не только опубликовал более чем тысячу книг, статей и т.д., но также основал свою школу Кавказоведческих исследований, первую в Чечено-Ингушском государственном университете в Грозном. Армавирский центр начал публиковать новый сериал: "Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа". Первый выпуск посвящен сороковой годовщине основания Виноградовым его исследовательской школы и его шестидесятипятилетию со дня рождения. Вступительная статья дает краткий отчет деятельности центра. Десять статей, написанных Виноградовым и его учениками, представляют новые материалы из раскопок археологических памятников Северного Кавказа от позднебронзового века к средневековью. Этот центр также опубликовал "Историю археологических исследований в Чечено-Ингушетии (1965-1984)" (В.Б. Виноградов и Е.А. Асеева) и "Краткое содержание 9 конференции по археологии Средней Кубани" (под редакцией Е.И. Нарожного), которые представляют результаты очень впечатляющей археологической деятельности в регионе".

В 2003 г. (vol.2, No.2) в этом журнале были опубликованы рецензии С.Л. Дударева на три крупные монографии отечественных археологов и историков – В.И. Козенковой, В.И. Марковина, А.И. Иванчика (Dudarev S.L., 2003b, P. 379-381; Dudarev S.L., 2003c, P.396-399), а в 2004 г. в данном издании из печати выйдет его статья по историографии освоения железа на Северном Кавказе (Dudarev S.L., 2004. S.1-19).

Еще одним каналом связей кафедры всеобщей истории с организациями, имеющими широкие зарубежные связи, является сотрудничество с Международной Академией информатизации, осуществляемые через ее региональное отделение в г. Краснодаре и базирующееся в Краснодарском государственном университете культуры и искусств (президент отделения - д. филос. н., профессор, академик И.И. Горлова). Его результаты отражены в опубликовании целого ряда межвузовских, в том числе международных (с участием ученых из Великобритании и Франции), сборников научных трудов и материалов конференций ("Проблемы всеобщей истории", "Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание, методология изучения"), монографий,

⁹ Здесь автор обзора не вполне точен. В Армавир приехали 7 учеников В.Б. Виноградова из нескольких десятков. Остальных буря "перестройки" и событий в Чечне разбросала по всему СНГ – от до Украины до Приморья .

научно-методической литературы и т.п. (Дударев С.Л., Назаров С.В., 2003. С.241-248).

Сотрудничество с зарубежными учеными устанавливается и через авторитетные кавказоведческие конференции, проводимые непосредственно в России, такие как международные "Крупновские чтения". Контакты, установившиеся на XXI "Крупновских чтениях" в г. Кисловодске с французским археологом Кристианом Пиле, ознаменовались его участием в изданиях кафедры (Pilet K., 2000. С.10-31; 2002. С.29-32)¹⁰. Там же зародился и перспективный научный проект, связанный с соруководством автора данной статьи докторской диссертацией старшего преподавателя Пятигорского технологического университета Е.Л. Сосниной, которая прикреплена для написания работы к Национальному исследовательскому центру Франции в г. Париже. Тема исследования связана с изучением историко-культурных реалий северокавказской жизни конца XVIII – начала XIX в. по работам франкоязычных путешественников того времени (см. наш отзыв о книге Е.Л. Сосниной).

Несколько возвращаясь назад, не могу не упомянуть и о немалом значении контактов с ГУП "Наследие" Ставропольского края в деле установления связей с зарубежными коллегами, особенно с Х. Харке, который стал не только нашим научным соавтором, но и коллегой, оказывающим нам научно-методическую помощь. В частности, им подарены книги на английском языке по истории викингов, что было немалым вкладом в разработку нашего курса по выбору "Викинги в мировой истории", читавшегося на истфаке АГПИ в 1999/2000 учебном году (Дударев С.Л., 2000). Х. Харке – один из ведущих европейских специалистов по исследованию гендерных проблем на археологических материалах, публикации и консультации которого по данной проблематике имеют для нас большую ценность (Härke H., 2003. С.130-140).

Нельзя не сказать и о том, что доцент кафедры всеобщей истории, к.и.н. С.В. Назаров и преподаватель кафедры, к.и.н. Кубанского госуниверситета В.В. Назарова поддерживают тесные связи с факультетом востоковедения Куб. ГУ и кафедрой восточного регионоведения Института экономики, права и естественных специальностей, где проводят ценные научные и научно-методические консультации с преподавателями из других стран, в том числе из Японии и Кореи.

Наконец, безусловно, достоин отдельного упоминания один замечательный эпизод в истории кафедры. Старейшим преподавателем АГПУ является д.и.н., профессор В.Т. Сиротенко – выдающийся отечественный ученый-медиевист, работающий в нашем коллективе. В

¹⁰ Оговорим специально, что мы стремимся публиковать работы иностранных авторов на языке оригинала для стимулирования изучения студентами исторического факультета АГПУ европейских языков.

2005 г. ему исполнится 90 лет. Готовясь к его прошлому, 85-летнему, юбилею, мы, зная о том, что после освобождения г. Кракова от немецких оккупантов В.Т. Сиротенко познакомился с будущим папой римским Иоанном Павлом II, а тогда молодым священником Каролом Войтылой, которого наша армия вызволила из фашистской неволи, послали письмо в Рим. В этом письме содержалась просьба к главе римской католической церкви откликнуться на юбилей человека, который сыграл в его жизни немалую роль – был не только среди его освободителей от немецкого плена, но и воспрепятствовал ссылке будущего папы в ГУЛАГ. Сам Василий Трофимович не решался напомнить о себе высшему иерарху католиков всего мира.

И вот в середине ноября 2000 г. из представительства Святого престола в Москве на имя С.Л. Дударева пришло письмо, в котором был вложен маленький конверт, пересланный из римской курии. В этом конверте находилось послание, перевод которого приводится ниже.

(перевод)

Государственный секретариат
Первая секция Главные дела

Из Ватикана, 28 октября 2000 г.

Дорогой профессор Дударев,

Святой Отец получил Ваше письмо и дал указание мне ответить от его имени.

Его Святейшество пожелал мне уверить Вас, что он будет молиться за доктора Василия Трофимовича Сиротенко по счастливому случаю его дня рождения, и он взывает на него Божьи благословения милости и мира.

Ваш искренне, монсиньор
Педро Лопес Кинтана
Ассессор

(Проблемы всеобщей истории, 2000, вклейка на с.4)

Василий Трофимович заслуженно удостоился столь высокого внимания и это еще одно важное свидетельство яркости и незаурядности жизненного пути выдающегося человека, который скромно работает рядом с нами.

Впереди у преподавателей кафедры всеобщей истории – новые научные планы, связанные с зарубежными контактами. Надеемся, что весьма полезные международные научные связи кафедры в самом

недалеком будущем внесут свою лепту в закреплении нашего педуниверситета в его новом статусе.

Библиография

- Vinogradov V., Mikolaiczuk A., 1977.** Moneta polska w strefie Czarnomorskiej i Kaukasskiej // Wiadomosci numizmatyczne. r.XXI (3).– Warszawa.
- Vinogradov V., Mikolaiczuk A., 1980.** A hoard from the North Caucasus // Coin hoards. – London, IV (1978).
- Виноградов В.Б., 1981.** К северу от Шелкового пути // Народы евроазиатских степей и их культурное наследие. – Токио (на японском яз.).
- Vinogradov V., 1983.** Altungarische parallelen zu einigen Gräbern des alanischen gräberfeldes bei Martan-ču // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 35(1-2).
- Дударев С.Л., 1991.** Древности позднесрубного типа из Центрального и Восточного Предкавказья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Материалы международной конференции. Кишинев 10-14 декабря 1990 г. – Киев.
- Дударев С.Л., 2002.** Об одной малоазийско-северокавказской археологической параллели // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Материалы III Международной конференции. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. – Тирасполь.
- Chochorowski J., 1993.** Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków.
- Kossack G., 1998.** Selected Studies in Arcaeology. Verlag Marie Leidorf GmbH * Rahden/Westf.
- Il mar Nero. 1994.** Annali di archeologia e storia – Annales d'archéologie et d'histoire. I. Edizioni Quasar di Severino Tognon s.r.l., Roma; Editions de la Maison des sciences de l'homme, Paris.
- Metzner-Nebelsick C., 1998.** Abschied von den "Thrako-Kimmeriern"? – Neue Aspekte der Iteraktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine // SÜDOSTEUROPA-SCHRIFTEN herausgegeben im Auftrag der Südosteuropa-Gesellschaft von Walter Althammer. Band 20. München*Radhen/Westf.
- Metzner-Nebelsick C., 2000.** Kimmerier //Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Band 16. Berlin-New-York.

- Kemenczei T., 1999/2000.** Zum früheisenzeitlichen pferdegeschirr in Mitteleuropa // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 51.
- Berezin J.B., Dudarev S.L., 1999.** Neue präskythische Funde aus der Umgebund von Pjatigorsk, Nordkaukasien" // *Eurasia Antiqua*. Band 5. Berlin.
- Vinogradov V.B., Dudarev S.L., 2000.** Spätbronzenzeitliche Gräberfelder bei Mairtup in Čečenien" // *Eurasia Antiqua*. Band 6. Berlin.
- Aktueller Themenschwerpunkt, 2003.** Aktueller Themenschwerpunkt: Archäologische Forschungen in Georgien // *Archaeologia Circumpontica*. Heft 1.
- Belinsky A., Dudarev S., Härke H., 2001.** On The Problem of Social and Property Differentiation among the Early Koban Culture: The Klin-Yar III Tomb Finds, Kislovodsk, Northern Caucasus) // *Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts*. Bilkent University, Ankara, Turkey – 2-9 September 2001. – Ankara.
- Belinsky A., Dudarev S., 2002.** On the chronology of Klin-Yar III cemetery (North Caucasus) // 8th EAA Annual Meeting. Abstracts Book. 24-29 September 2002. Thessaloniki, Hellas.
- Dudarev S.L., 2003a.** To the interpretation of the South-East Chechnya Monuments: on the materials of Zandak cemetery № 1 (the end of Late Bronze – beginning of Early Iron Age) //9th Annual meeting. 10th-14th September, 2003, St. Petersburg, Russia.
- Dudarev S.L., 2003b.** Two books on the archaeology of the Caucasus // *Ancient West&East*, Leiden-Boston.
- Dudarev S.L., 2003c.** A.I. Ivantchik. Kimmeriittsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeskikh stepei i Kavkasa pred – i ranneskifskogo vremeni (Cimmerians and Scythians. Cultural-Historical and Chronological Problems of the Archaeology of the East European Steppes and the Caucasus in Pre – and Early-Scythian Times), *Stepnye narody Evrazii (Steppe Peoples Of Eurasia) II*, Paleograf, Moscow 2002, 324 pp., illustrations // *Ancient West&East*, Leiden-Boston, № 4.
- Dudarev S.L., 2004.** The Mastering of Iron-Working by the Peoples of the Northern Caucasus (Soviet and Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century) // *Ancient West&East*. Iss.3.1.– Leiden-Boston.
- Дударев С.Л., Назаров С.В., 2003.** К 10-летию кафедры всеобщей истории АГПУ (1993-2003) // *Проблемы всеобщей истории*. Вып.8. – Армавир.
- Pilet K., 2000.** Christianisation de la Gaule du Nord // *Проблемы всеобщей истории*. Вып.6. – Армавир.
- Pilet K., 2002.** Identification des populations archeologiques // *Материалы международной научной конференции "Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание, методология изучения"*. – Армавир.

- Дударев С.Л., 2000.** Учебная программа спецкурса "Викинги в мировой истории". – Армавир, 2000.
- Härke H., 2003.** Gender representation in early medieval burials: past reality or ritual display // Проблемы всеобщей истории. Вып.8. – Армавир.
- Проблемы всеобщей истории. 2000.** Василий Трофимович Сиротенко: основные вехи биографии и научного творчества (к 85-летию со дня рождения) // Проблемы всеобщей истории. Вып.6. – Армавир.
- Великая Н.Н., Дударев С.Л., 2004.** Праздничная годовщина академика В.Б. Виноградова // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской конференции. – Краснодар-Армавир.

АРХЕОЛОГИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

НОВОЕ О РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Отзыв на автореферат

диссертации А.Б. Белинского "Могильник Клин-яр III как источник по изучению культуры населения Кавминвод в раннем железном веке"- М.: ИА РАН, 2004.

Тема, обозначенная в представленном автореферате, является еще одним зримым подтверждением того, что в изучении кобанской культуры (культурно-исторической общности) наступает качественно новый этап. Если во второй половине XX в. кавказоведы, исследовавшие древности этой культуры, часто стремились к широким обобщениям, например, выделению и обоснованию локальных вариантов, исследованию культурно-исторических процессов, в которые было вовлечено все население, оставившее этот археологический феномен (Е.И. Крупнов, Е.П. Алексеева, Б.В. Техов, В.Б. Виноградов, И.М. Чеченов, В.И. Козенкова, С.Л. Дударев и др.), то в начале XXI в. ситуация начала изменяться. Специалисты все чаще обращаются к характеристике тех или иных микрорегионов и отдельных памятников Кобани. В качестве наглядного примера можно назвать кандидатскую диссертацию А.П. Мошинского, защищенную практически одновременно с работой А.Б. Белинского.

Диссертация А.Б. Белинского посвящена комплексам эпохи раннего железа могильника Клин-яр III. Но автора ни в коем случае нельзя обвинить в узости подхода к изучению кобанской тематики. В фокусе его исследования – принесший массовые материалы, поистине выдающийся, широко раскопанный памятник, который проливает свет на многие стороны культурно-исторических процессов в таком важном районе Центрального Предкавказья, как Кавказские Минеральные воды, в X – начале VI в. до н.э. Исследование этого могильника, имеющего реперный характер, предпринимавшееся не только А.Б. Белинским, но и другими

специалистами (С.Н. Кореневский, В.С. Флеров, Я.Б. Березин и др.), позволяет часто по-иному взглянуть на те или иные результаты изучения западнокобанских древностей, переоценить те или иные факты и выводы, которые ранее стали достоянием науки благодаря усилиям ряда ученых-профессионалов - В.Б. Виноградова, В.И. Козенковой, В.Б. Ковалевской, Н.Л. Членовой, М.Н. Погребовой, С.Л. Дударева, а также подвижнической деятельности таких археологов-краеведов как А.П. Рунич, Н.Н. Михайлов и некоторые другие.

Первая глава посвящена погребальному обряду могильника Клинь-яр III. Ее несомненным достоинством является детальный, скрупулезный, анализ черт составляющих обряда, который, пожалуй, впервые в археологическом изучении Кавминвод, проделан с широким привлечением палеоэтнографических и этнографических параллелей. Автор стремится выделить те черты обрядности, которые, возможно, связаны с т.н. "посмертным членовредительством", в том числе, с верой в "харизматические" качества погребенных, что существенно развивает ранее сделанные выводы в этом направлении В.Б. Ковалевской, автора этого отзыва и др. (Ковалевская В.Б., 1983. С.35; Дударев С.Л., 1997. С.42-43). Очень важно, что в исследованиях А.Б. Белинского намечается и попытка гендерного анализа полученного материала, имеющая высокую актуальность и перекликающаяся с разработками зарубежных археологов (Х. Харке, С. Райнхольд и др.).

Во **второй главе** дана характеристика погребального инвентаря могильника Клинь-яр. Ее, в целом, отличает столь же основательный подход к анализу, как и первую главу. Наиболее ценным в разделе, посвященном керамике, является сплошное обследование состава теста различных категорий сосудов, что позволило автору осуществить важные сравнения с другими памятниками кобанской общности.

Что касается анализа найденных орудий труда, то здесь привлекает внимание стремление диссертанта не только проследить их хозяйственные функции, что уже было неоднократно предпринято специалистами, но и проникнуть в сакрально-репрезентативную подоплеку использования тех или иных вещей (оселки и пр.), что все еще является редкостью для работ археологов-кавказоведов.

Убедителен анализ яркой коллекции оружия, воинского и конского снаряжения, среди которых присутствует целый ряд уникальных артефактов. Мы согласны с выводами автора относительно типологии и генезиса ведущих категорий вооружения и конской сбруи и хотим особо отметить изыскания А.Б. Белинского в отношении роли всадничества у местных племен в начале раннего железа, осуществляемые с привлечением антропологических материалов.

Среди богатой коллекции украшений привлекает внимание авторский анализ системы женского убора, в том числе, накосных и некоторых

других украшений, верно трактуемых диссертантом как индикатор локальной палеоэтнографической специфики памятников кобанского типа района Кавминвод VIII-V вв. Эти украшения были наглядно зафиксированы нами и Я.Б. Березиным во время раскопок Белореченского 2, а затем Березовского 1 могильников в 1970-е гг. (Дударев С.Л., 2004. С.45-47; С.75. Рис.14; С.82. Рис.21; Березин Я.Б., Дударев С.Л., 2004. С.89; С.106-107, рис.16-17). А.Б. Белинский хронологически дифференцирует различные типы украшений, что, несомненно, важно для установления динамики культурно-генетических процессов у местного населения, а также предлагает толкование идеологической значимости тех или иных категорий украшений с учетом современных представлений о ментальности людей эпохи раннего железа.

Выдающееся значение имеет **третья глава**. В ней даются результаты палеантропологического и паледемографического изучения древнего населения Клиньяра и рассматриваются вопросы социально-экономического развития Центрального Предкавказья в начале раннего железного века. Мы столь высоко оцениваем главу потому, что данные, полученные автором, несмотря на определенную неоднозначность в их оценках специалистами-антропологами (М.М. Герасимова, Л.Н. Яблонский и др.), по сути дела, уникальны. Эти данные дают диссертанту возможность сделать ценные выводы о повседневной жизни местного населения и о его взаимодействии с окружающей средой. Что же касается социального ранжирования мужской части популяции, оставившей могильник Клиньяр III, то оно вполне соотносимо с выводами ряда специалистов, сделанных на материалах других памятников Кобани (В.Б.Ковалевская, С.Л. Дударев, В.И. Козенкова и др.)¹¹, указывая на процессы социального расслоения в кобанской общности в предскифское время в связи с факторами освоения железа и участия в межплеменных столкновениях.

Несомненно, опорной для всей работы является **четвертая глава**, посвященная хронологии исследуемого памятника. Поддерживая выводы автора, мы не станем подробно рассматривать критерии выделения четырех групп и т.п., поскольку принимали участие в разработке хронологии могильника (С.23, позиция 12). Отметим лишь то, что автором наглядно продемонстрирован диагностирующий характер комплексов с бронзовыми предметами паноплии закавказско-переднеазиатского типа для древностей позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы и показана несостоятельность попыток отнести указанные находки к X-IX вв. до н.э. (А.И. Иванчик, 2001) (Dudarev S.L., 2003. P.396-399).

¹¹ См. например: Белинский А.Б., Дударев С.Л., Харке Х., 2001. С.45-59.

В **Заключении** веско подведены итоги работы. Диссертанту удалось показать эталонный характер изученного памятника для погребальных объектов западного ареала кобанской культуры (КИО), и выделить, в то же время, целый ряд присущих для него особенностей. Массовые материалы Клинь-яра III весьма ценны своим высоким уровнем исследованности с помощью современных естественно-научных технологий и методик, что также следует поставить в заслугу автору. Могильник Клинь-яр III предстает в диссертации как памятник, который характеризует высокий культурный, творческий потенциал местного населения эпохи раннего железа, еще не до конца раскрытый предшествовавшими работами специалистов-кавказоведов. Материалы Клинь-яра III демонстрируют большие возможности для дальнейших исследований в области кобанской археологии, создавая базу для новых трактовок культурно-исторического облика памятников Кавминвод эпохи раннего железа.

Отзыв на автореферат диссертации А.П. Мошинского "Древности горной Дигории VII-IV вв.: систематизация и хронология". – М.: МГУ, 2004.

Говоря об актуальности темы данного диссертационного исследования, нельзя на согласиться с автором в том, что археологический материал скифского времени, происходящий из горной Дигории, до сих пор был плохо документирован и не систематизирован должным образом. К этому следует добавить еще одно немаловажное обстоятельство. Кобанская культура (культурно-историческая общность)¹², хорошо аттестованная в ряде обобщающих работ (см. выше), во второй половине XX в. изучалась как бы "вширь". Работа А.П. Мошинского является еще одним, наряду с диссертацией А.Б. Белинского, очень хорошим прецедентом того, что исследователям пора обращаться к изучению Кобани "вглубь", что будет способствовать более внимательной оценке тех культурно-исторических процессов, которые шли в ее недрах.

Представленный в диссертации археологический материал наглядно демонстрирует как важные локальные особенности материальной культуры Дигории в VII-IV вв. до н.э., так и те ее черты, которые присущи для ряда памятников кобанской КИО. Автору удалось проследить динамику изменений внутри дигорского культурного пласта, выделив внутри этого сравнительно небольшого временного промежутка отдельные отрезки, показав тем самым, весьма насыщенную жизнь в дигорском ущелье на разных этапах скифской эпохи.

¹² Вызывает лишь недоумение заявление А.П. Мошинского о том, что полный отказ от термина "кобанская культура" невозможен лишь на том основании, что он давно и повсеместно принят (Мошинский А.П., 2004. С.130).

Местная специфика, отразившаяся в выделении А.П. Мошинским пряжек дигорского типа, ряда разновидностей браслетов, керамики, культовых жезлов и пр., бросается в глаза и в таких ярких фактах, как редкость топоров в рассмотренных автором дигорских памятниках и полное их отсутствие в могильнике Гастон Уота, и большое количество разнотипных наконечников стрел (особенно, изобилие железных плоских). В предшествующее изучаемому диссертантом время для Дигории характерно обилие каменных и бронзовых топоров, которые, как отмечал в свое время В.Б. Виноградов, "даже на фоне их всеобщей распространенности на Кавказе, в Дигории и смежных с ней районах являют совершенно особую массовость и вычурность форм в конце бронзового века" (Виноградов В.Б., 1972. С.306). Напротив, для горных районов Кобани (учитывая материалы обеих склонов Главного Кавказа), наконечники стрел в погребальных памятниках раннекобанского периода – большая редкость. Поэтому, вероятно, следует согласиться с заключением А.П. Мошинского о том, что данные факты следует объяснять особенностями погребального обряда.

Впрочем, в отношении увеличения использования наконечников стрел в арсенале местных племен не следует видеть один лишь генезис местных похоронных традиций, но необходимо учитывать и определенное влияние культуры ранних кочевников. В этом отношении новый свет на данный вопрос могли бы пролить более подробные сведения об упоминаемых А.П. Мошинским 2 луках из могильника Гастон Уота – факте, самом по себе, имеющем незаурядное значение. Однако автор ограничился лишь заявлением, что луки "не выпадают из общего ряда луков, использовавшихся кобанскими племенами" (С.6). Между тем, луки эти, судя по графическим изображениям и бронзовой пластике, были либо дуговидными, либо сигмаобразными, что указывает на их неодинаковое происхождение.

Самостоятельный интерес изучения древностей Дигории в скифское время выявляется, иногда, на мелочах, но таких, которые придают многоцветие общей "палитре" автохтонной культуры. Мы, в частности, имеем в виду, литейные формы для отливки бронзовых пинтадер. Сам этот факт убедительно говорит в пользу существования пинтадер в скифское время и указывает на то, что пинтадеры уже нельзя характеризовать только как отличительный признак т.н. "восточного" варианта кобанской культуры (Козенкова В.И., 1982. С.67).

Автор аргументированно трактует функциональное назначение тех или иных атрибутов. Хотелось бы поддержать, в частности, его вывод о том, что ворворки были также деталью портупей, о чем говорят результаты наших совместных исследований с А.Б. Белинским, опирающиеся на погребальные комплексы предскифского и раннескифского времени Северного Кавказа.

В целом, анализ материальной культуры, предпринятый диссертантом, является весьма квалифицированным, скрупулезным, классификации отличаются детальностью и продуманностью.

Выдающийся интерес представляют результаты исследования А.П. Мошинским производственного квартала поселения Сауар. Долгое время в горной зоне Центрального Кавказа не было известно изученных кобанских поселений. Раскопанные здесь производственные объекты просто уникальны для данной территории. Территориальное и конструктивное единство металлургических комплексов, предназначенных для производства бронзы и железа еще раз, причем уже совершенно неоспоримо, говорит о генетической преемственности черной металлургии от цветной. Автор прав, связывая вынесение огнеопасных производств на окраину поселения с соображениями противопожарной безопасности. Но данная топография может указывать и на другое. Металлурги, особенно связанные с производством черного металла, а также кузнецы были, как говорит мировая этнография, особой группой, даже "кастой", которая должна была проживать в каком-то отдалении от своих соплеменников¹³.

Бесспорно, важны выводы, сделанные диссертантом в отношении внешних связей местного населения с внешним миром, их особенностей и хронологии. Это касается как заключений о связи местной культуры с территорией Восточной Грузии (конструкции гончарных печей, орнаментация керамики, применение гончарного круга), так и со скифскими племенами (погребения коней, конская узда, скифский звериный стиль). А.П. Мошинскому удалось выделить период V в. до н.э., как времени, когда местная культура приобрела более локальный характер, т.е. иначе говоря, как бы временно относительно обособилась от внешнего мира в силу неких причин. Мы поддерживаем диссертанта в том, что процесс социальной дифференциации в автохтонной среде маркируется возрастанием роли всадничества, появлением в местной культуре предметов из драгоценных металлов, распространением гончарного круга и тесно взаимосвязан с контактами с кочевниками. Движения номадов через Центральный Кавказ, как это было уже давно отмечено многими кавказоведами, способствовали оживлению связей с

¹³ Этнографические данные фиксируют двойственное отношение к металлургам и кузнецам, занятым в сфере железодетального производства. Их, как показывают погребения могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкессии, погребали в соответствии с особым ритуалом, в сопровождении бронзовых пиршественных чаш и т.п. С другой, племенные группы, занимавшиеся кузнечным делом, были презираемы своими соседями и вели, порой, даже бродячий образ жизни (Ковалевская В.Б., 1983а. С.24; Граков Б.Н., 1977. С.24).

внешним миром, особенно с восточноевропейскими степями и Закавказьем¹⁴.

Другой вывод автора, который мы полностью разделяем – этот тот, что степные влияния, тем не менее, не проникли вглубь культуры (С.17) и особенно поддерживаем А.П. Мошинского в его заключении: "оснований для предположения о начале иранизации горных племен в этом историческом периоде нет" (С.16). Во всяком случае, наш собственный многолетний опыт изучения памятников кобанской культуры, не позволяет согласиться с мнениями некоторых уважаемых нами ученых-кавказоведов о том, что создателями общности, главными погребальными памятниками которой явились Кобанский могильник на северном и Тлийский на южном склоне, были индоиранские племена, обосновавшиеся на Центральном Кавказе после передвижения их основной массы в Переднюю Азию (Техов Б.В., 2002. С.482).

В автореферате приводится и интересная схема торговых связей дигорцев с соседними племенами, которая заслуживает внимания и дальнейшего подтверждения на конкретном материале.

Подводя итоги нужно сказать, что А.П. Мошинскому удалось показать, что Дигория в VII-IV вв. до н.э. занимает свое неповторимое место в общекобанской панораме, а ее памятники представляют значительный интерес для исследования культурно-исторических процессов не только на Центральном Кавказе, но и в рамках всей кобанской общности, а также и северокавказского региона в целом.

Библиография

- Белинский А.Б., Дударев С.Л., Харке Х., 2001.** Об опыте социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клинь-яр III // Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону.
- Березин Я.Б., Дударев С.Л., 2004.** Новые погребальные комплексы раннежелезного века из Кисловодской котловины // МИАСК. Вып.4. – Армавир.
- Виноградов В.Б., 1972.** Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. – Грозный.
- Дударев С.Л., 1997.** К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Армавир.

¹⁴ Ранние кочевники, особенно скифы, сыграли выдающуюся роль в ускорении освоения железа автохтонами, чему способствовал не сколько их производственно-технический опыт (более скромный в сравнении с оседлым населением), сколько фактор военно-политического давления на кавказцев и участия последних в походах кочевников за Главный Кавказский хребет (Dudarev S.L., 2004. P.13-15).

- Дударев С.Л., 2004.** Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // МИАСК. Вып.3. – Армавир.
- Иванчик А.И., 2001.** Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. – М.
- Мошинский А.П., 2004.** Кобанская культурно-историческая область и горная Дигория // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Кавказа). – М.
- Техов Б.В., 2002.** Тайны древних погребений. – Владикавказ.
- Ковалевская В.Б., 1983.** Кавказ и аланы. – М.
- Ковалевская В.Б., 1983а.** Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии. – Черкесск.
- Козенкова В.И., 1982.** Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М.
- Граков Б.Н., 1977.** Ранний железный век. – М.
- Dudarev S.L., 2003.** A.I. Ivanchik. Cimmerians and Scythians. Cultural and Chronological Problems of the Archaeology of the East European Steppes and the Caucasus in Pre- and Early-Scythian Times. - Moscow, 2001.
- Dudarev S.L., 2004.** The Mastering of Iron-Working by the Peoples of the Northern Caucasus in the Early Iron Age (Soviet and Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century) // Ancient West&East. Vol.3. No 1. – Leiden-Boston.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В XVIII-XX ВВ. ГЛАЗАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

В последние годы учеными региона был защищен ряд содержательных научных работ по истории региона в дореволюционный период. Важно, что среди них есть как труды молодых соискателей ученых степеней, так и убеленных сединами, заслуженных людей, сыгравших немалую роль в общественной и научной жизни Северного Кавказа. Хотелось бы поделиться с читателем своим мнением и отдельными замечаниями по некоторым из них, представляющим для автора наибольший интерес. К таким работам, прежде всего, относится кандидатская диссертация П.С. Федосова (Федосов П.С., 2003).

Вначале хотелось бы приветствовать сам факт написания такой работы одним из современных видных деятелей казачьего движения на Юге России, которого автор знает с рубежа 1980-1990-х гг. Для П.С. Федосова - это труд всей его жизни, являющийся данью казачеству Терека и Кубани. Нет необходимости подробно говорить о своевременности данной работы. Скажу лишь, что такие работы, выполненные в жанре микроистории, эффективно способствуют воссозданию живой ткани исторического процесса. Если же иметь в виду возрождение казачества, то подобные исследования имеют для него огромную пользу, так как поставляют конкретный, достоверный исторический материал, на котором (а не на тех или иных мифах) и нужно воспитывать подрастающее поколение, восстанавливать наиболее ценные традиции кубанских и терских казаков.

Работа опирается на широкую источниковую и историографическую базу, в частности использован 61 фонд центральных и местных архивов. Автор уверенно владеет историографией темы, хотя одновременно нужно было бы объяснить наличие лакуны в ней в 40-60-е гг. XX в., фиксируемое в реферате (с.10-11).

П.С.Федосов разносторонне рассмотрел историю заселения и хозяйственного освоения казаками Предкавказья. В этом смысле вспоминается казачья поговорка, приводимая В.А. Потто в "Двух веках Терского казачества": "Хорош казак на гумне, хорош и на войне" (Потто В.А., 1991. С.211). Автор равноценно продемонстрировал как ратные дела казаков, так и их хозяйственные достижения.

Понятен оптимизм автора, как патриота казачества, когда он пишет, что в перспективе станицу Расшеватскую, как и многие другие станицы Кубани, ожидали дальнейшие успехи в экономическом и социальном развитии (с.28). Возможно, что так бы и было, если были бы решены "внутриказачьи" вопросы – со своей голытьбой, с иногородними, с вопросами землепользования и т.п. Не будем забывать и о том, что казачество было частью российского социума со всеми его проблемами

накануне первой мировой войны. И то насколько удачно и динамично оно развивалось бы впоследствии, не случись дальнейших потрясений – это большой вопрос.

Глубоко согласен с П.С. Федосовым, что казаки-линейцы являлись интегрирующим фактором для освоения Кавказа и степного Предкавказья, в частности (с.29). Нужно только обязательно добавлять – "российского освоения". Точно также, когда подчеркивается роль казачества в культурно-цивилизационных процессах в регионе, необходимо конкретно говорить о проникновении сюда именно передовой российской культуры, ибо регион осваивался и "окультуривался" уже многие тысячелетия представителями самых разных этносов.

Диссертация П.С. Федосова является немалым вкладом в исследуемую проблематику и, безусловно, будет способствовать расширению интереса к казачьей истории.

Весьма серьезным представляется диссертационный труд К.В.Скибы, посвященный исследованию военно-политических событий на Кубанской Линии в первой трети XIX в. (Скиба К.В., 2004). Работа основана на прочной источниковой базе, основу которой составляют материалы архивов гг. Москвы, Ставрополя, Краснодар, Ростова-на-Дону. Автор хорошо владеет и отечественной историографией. В то же время, зарубежная историография представлена всего двумя работами, переведенными на русский язык и изданными в Майкопе и Нальчике. Исследование К.В. Скибы ценно тем, что автор весьма скрупулезно исследует зарождение и развитие Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе. Им выделены 3 этапа: "малая Кавказская война", промежуточная "ермоловская эпоха" и "большая Кавказская война", а также даны методические основания для вычленения этапов. "Малая Кавказская война" (1801-1816 гг.) характеризуется проведением набегов со стороны горцев, с 1804 г. приобретших "характер упорядоченной системы" и мотивируемых приобретением добычи. Ответные акции ("репрессии") со стороны российского командования на Кубанской Линии были выдержаны, в целом, в духе оборонительной стратегии. "Ермоловская эпоха" (1817-1827 гг.) характеризуется гораздо более жесткими наступательными действиями российской стороны, сдерживаемыми, по-прежнему, тем обстоятельством, что Закубанье находилось в составе Османской империи. Наконец, с 1830-1831 гг. автором постулируется начало "Большой Кавказской войны". Для последнего присущи атакующие, наступательные действия российских войск, связанные с прямым подчинением Закубанья России, получившей для этого "карт-бланш" после заключения Адрианопольского мира, и нарастающее ожесточенное сопротивление горцев, ведущих освободительную борьбу, вдохновляемую уже идеями газавата. К.В. Скиба показал себя как хороший знаток и военных реалий российской армии того периода, и так и

т.н. "наездничества", осуществив классифицирование участников набегов, дав детальную мотивацию их действий в соответствии с определенным статусом (благородные "наездники", разбойники-"абреки" и молодые "джигиты"). Автор стремится учесть многообразные факторы, влиявшие на военно-политические события (геополитический, сезонно-климатический, эпидемиологический и т.д.). Правда, в автореферате осталось невыясненным, что имел в виду К.В. Скиба под фактором, "скрытым" в дореволюционной историографии. Особо ценно в работе то, что К.В. Скиба показал значение идеологического фактора в разгоравшейся борьбе, продемонстрировав, что в начале XIX в. набеги не имели идейно-религиозной подоплеки, которая ярко проявилась именно после начала активной самодержавной наступательной политики в Закубанье. Сравнительный материал по тем районам Предкавказья, которые находились юго-восточнее Закубанья, дает интересные параллели, на которые мы хотим обратить внимание автора. Мы имеем в виду наблюдения некоторых иностранных путешественников конца XVIII – первой трети XIX в., опубликованные недавно Е.Л. Сосниной. Путевые заметки Яна Потоцкого в конце XVIII в. изобилуют указаниями на разбойничьи нападения черкесов, чеченцев, кайтагов и др. и соответствующими наблюдениями по поводу их ментальности, которые подаются как нечто вполне обычное (см. ниже наш отзыв на книгу Е.Л. Сосниной в настоящей брошюре) (Соснина Е.Л. Два путешествия в золотой век. – Пятигорск, 2003. С.46-98).

Француженка Адель Оммер де Гель трепещет от перспективы оказаться в руках "бандитов", но, тем не менее, описывая некоторые события конца 1830-х гг. в центральной части Предкавказья (набег на Владимировку - имение Реброва - партии черкесов в 1835 г. и т.п.), говорит уже о *борьбе* между *горцами Кавказа и Россией*, и готова признать "отважных разбойников" "бесстрашными и героическими мучениками" (курсив наш. – Авт.), готовыми скорее умереть, чем позволить чужеземцу осквернить их горы" (подробнее см. ниже).

Одновременно хотелось бы пожелать молодому ученому более наглядно показать, изменилось ли что-либо в "технологии" набегов при переходе к "газаватскому" этапу противоборства с Россией, отличался ли "идейный" джигит от обычного, заурядного "набежчика".

Здесь уместно два следующих примечания. В описаниях госпожи Оммер де Гель есть один примечательный факт – конвой некоей знатной дамы был перебит, а трупы *ужасно обезображены*. Эта деталь, похоже, отчетливо указывает на резко возросшее ожесточение горцев в "газаватскую" эпоху... К.В. Скиба указывает, что смерть в набеге с 1835 г., "давала убитому венец шагида" (мученика) (с.23) (см. материалы семинара, проведенного кафедрой всеобщей истории в 2004 г., с.34). Очевидно, что у К.В. Скибы большой потенциал, который, при

дальнейшем концептуальном осмыслении им своих наработок может привести к выходу на новые уровни интерпретации материала.

Актуальность диссертационной работы А.С. Кондрашовой (Кондрашева А.С., 2003) вызвана уже тем, что нынешней российской власти необходимо внимательно учитывать опыт деятельности Кавказского Наместничества для решения сложных современных социополитических и иных проблем на Северном Кавказе. К большому сожалению, такого внимания долгое время не проявлялось, что, отчасти, и послужило причиной ряда крупных внутривластных неудач российских властных структур, прежде всего в Чечне. Диссертация основана на прочной источниковой и историографической базе, четко определены цель и задачи исследования, научная новизна и т.д. Понятны территориальные рамки работы. Неясно лишь, почему из них выпала Ингушетия (Кондрашева А.С., 2003. С.14).

Основное содержание работы, как представляется, получило вполне объемное раскрытие в автореферате. Автор последовательно и квалифицированно осветил как государственно-административную политику Российской империи на Северном Кавказе, так и организацию института Кавказского Наместничества, а в заключении веско подвел итоги своего исследования. У нас возникли два замечания по автореферату, которые и хотелось бы привести в данной статье.

Первое замечание касается все той же Ингушетии (параграф 1 главы I), по поводу которой говорится, что она была присоединена как бы одновременно с территориями, населенными кабардинцами и осетинами, в середине 70-гг. XVIII в. (Кондрашева А.С., 2003. С.17). Судя по всему, здесь подразумеваются условия Кючук-Кайнарджийского договора с Турцией 1774 г. (История Народов Северного Кавказа. 1988. С.441). Но дело в том, что ингуши принесли присягу российской власти еще в 1770 г. и она зафиксирована не только в документах российской внешней политики (АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. 1765-1783. Д.1. Л. 1223, 1126, 1227), но и присутствовавшим на этом акте акад. РАН И.А. Гюльденштедтом.

Второе же замечание касается параграфа 2 главы I "Взаимодействие органов Российской власти с горцами. Развитие социально-экономических отношений коренных народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в." Возможно, что тот момент, на который я хотел бы указать, и присутствует в тексте диссертации. Но в автореферате хотелось бы видеть то, как российская власть через институт наместничества осуществляла ту или иную политику в отношении *горских социальных верхов*. Это очень важный момент, имеющий, опять-таки, связь с современностью. Напомним, что по окончании Кавказской войны русские власти, учитывая свой собственный негативный опыт, когда они ранее отталкивали от себя тех или иных горских предводителей, не понимая их

специфический общественный статус, напротив, взяли "под свое крыло" новую феодальную знать, сформировавшуюся в имамате Шамиля. Об этом свидетельствует распоряжение, в котором говорится буквально следующее: "Строго воспрещается всему покорившемуся горскому народу, члены которого пострадали через наибов и мазунов от жестокости Шамиля, посягать на жизнь наибов и мазунов или делать им какой-нибудь вред – кто поступит против этого, тот, как важный преступник, со всем его семейством будет наказан ссылкой в Сибирь"¹⁵. Таким образом, произошло осознание властями необходимости расширения социальной опоры и поисков тех лидеров среди горцев, которые могли быть авторитетными среди народа (добавлю – особенно в кризисной ситуации). Этот момент весьма злободневен в сегодняшней Чечне.

Наконец, работа еще одного молодого исследователя А.В. Алиевой посвящена чрезвычайно актуальной теме (Алиева А.В., 2004). Практически весь мир сейчас уже находится на пороге нового Великого переселения народов и можно даже сказать, что, как говаривал М.С. Горбачев, этот "процесс пошел". Причины указанного явления различны. Есть своя специфика и в условиях Северного Кавказа и Ставропольского края, что вполне наглядно показано диссертанткой. Хотелось бы отметить, что докторский диссертационный совет и исторический факультет СГУ, а также ряд научных руководителей, особенно д.и.н., проф. А.А. Кудрявцев, уделяют немало внимания этой острой проблеме. Это подтверждается диссертационной работой А.В. Алиевой, второй подряд, защищенной по данной тематике (недавно состоялась защита кандидатской диссертации О.И. Служак, которая рассматривала миграционные процессы в рамках всего Ставропольского края) (Служак О.Ю., 2004). Диссертация Алиевой является важной конкретизацией на примере *дагестанской диаспоры*. И в свете этого исследования нужно особо подчеркнуть, что пора переходить к исследованию истории формирования *отдельных диаспор*. Это позволит лучше и точнее понять истоки и динамику миграционных процессов в крае и регионе, их закономерности и своевременно выявлять, более того, *прогнозировать*, назревающие проблемы и болевые точки, информация о которых должна своевременно доводиться до сведения краевых властей.

В диссертации А.В. Алиевой есть ряд очень важных наблюдений и выводов, которые имеют практическое, прикладное звучание. Нельзя не согласиться с диссертанткой в том, что все усилия общества должны быть направлены на *консолидацию, толерантность, отказ от национальных претензий* (в смысле некоей национальной исключительности). Ее работа служит прекрасным подтверждением мысли М.Ю. Лермонтова, высказанной в знаковом стихотворении "Валерик": "под солнцем места

¹⁵ Цит. по: Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. 2. С.73. Прим.99.

хватит всем..." Необходимо только помнить (и эта мысль должна отчетливо звучать, на наш взгляд, во всех диссертациях подобного рода), что еще одной основой межнационального мира должно являться не нарушение определенных сложившихся социокультурных и иных *ниш*, что, например, очень хорошо было показано в докторской диссертации Н.Н. Великой (Великая Н.Н., 2001).

Вполне очевидно, что учеными региона ведется фундаментальная работа по осмыслению опыта дореволюционной истории Северного Кавказа, которая должна помочь в решении современных остроактуальных проблем нашего края. Крайне важно, чтобы руководство краев и областей Северного Кавказа, а также Южного Федерального округа прислушивалось бы к рекомендациям ученых. В противном случае, Россия будет в проведении кавказской политики век от века наступать все на те же "грабли". Время бросает новые вызовы, к которым нужно быть готовым всему нашему обществу.

Библиография

- Федосов П.С., 2003.** Линейное казачество в освоении степного Предкавказья в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам станицы Расшеватской)/Автореф. Дисс... канд. исторических наук. – Ставрополь.
- Погто В.А., 1991.** Два века Терского казачества. – Ставрополь.
- Скиба К.В., 2004.** Кубанская Линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг./Автореф. дисс...канд. ист. Наук. – Армавир.
- Соснина Е.Л., 2003.** Два путешествия в золотой век. – Пятигорск.
- Кондрашева А.С., 2003.** Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX – начало XX вв.) /Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь.
- История народов Северного Кавказа. 1988.** История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.
- АВПР. Ф. Осетинские дела.** АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. 1765-1783. Д.1. Л. 1223, 1126, 1227.
- Алиева А.В., 2004.** Дагестанские переселенцы на Ставрополье во второй половине XX века /Автореф. дисс... канд ист. наук. – Ставрополь.
- Служак О.Ю., 2004.** Миграционные процессы на Ставрополье во второй половине XX века: историко-культурный аспект /Автореф. дисс... канд ист. наук. – Ставрополь.
- Великая Н.Н., 2001.** Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII-XIX вв.). /Автореф. дисс... докт. ист. наук. – Ставрополь.

РОССИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

(Заметки о книге Е.Л. Сосниной "Два путешествия в золотой век". –
Пятигорск, 2003)

Вышедшая в Пятигорске в 2003 г. книга Е.Л. Сосниной "Два путешествия в золотой век" (Соснина Е.Л., 2003) стала заметным событием в научной и культурной жизни Кавминвод. Она явилась также и важным фактом в кавказоведческой литературе по истории и лермонтоведению. Дело в том, что на ее страницах впервые на русском языке опубликованы полностью два важных источника по истории России и Кавказа конца XVIII – первой половины XIX в. - путевые наблюдения двух путешественников: польского графа Яна Потоцкого и супруги французского консула в Одессе Ксавье Оммер де Гелля, госпожи Адели Оммер де Гелль (которую некоторые исследователи считают возлюбленной М.Ю. Лермонтова), известные ранее только на французском языке и только очень узкому кругу специалистов.

В рамках одной небольшой статьи сложно прокомментировать эти два достаточно объемных сочинения (что, кстати, весьма, квалифицированно сделано самой Е.Л. Сосниной, приведшей, к тому же не утратившие своего научного значения примечания Г.Ю. Клапрота к рукописи Я. Потоцкого), полных множества интереснейших аспектов истории того времени, этнографических деталей, отсылок к древним авторам, и, наконец, просто перипетий путешествий, вполне достойных приключенческих романов в духе Майна Рида или Фенимора Купера. Мы уверены, что это еще неоднократно будет сделано в трудах специалистов (Дударев С.Л., Соснина Е.Л., 2004. С.113-114).

Начнем с части I "Гениальный фантом", в которой помещена публикация путевого дневника Я. Потоцкого. Это был поистине незаурядный сын своего времени – путешественник, дипломат, историк, филолог. Он издавал правительственную газету, был посвящен в Мальтийские рыцари... Его путевые заметки, относящиеся ко времени между 15 мая 1797 г. и 27 апреля 1798 г. существенно отличаются от записок А. Оммер де Гелль. И для этого есть различные причины. Именно под углом зрения этих различий мы и позволим себе рассмотреть оба эти произведения.

До сих пор, как справедливо отмечает Е.Л. Соснина, существует определенная недооценка трудов Потоцкого, которого обвиняли в дилетантизме. Разумеется, он не был ученым-историком в современном смысле слова. Рассматриваемый его труд выдержан в жанре, который невозможно назвать научной монографией. Граф Потоцкий был, прежде всего, высокоэрудированным "интересантом" от истории, но в чем-то уже

бесспорно являлся и ученым, причем ученым-историком *по духу*. Об этом свидетельствует уже фраза самого Потоцкого, которую можно было сделать эпиграфом к его путевым наблюдениям: "Благославляю науку, принесшую мне счастье, покой и даже наслаждение, вопреки ужасному хаосу, в который погружено наше время" (Соснина Е.Л., 2003. С.15). Как современно звучат эти слова! Кто из нас, специалистов, занимающихся историей, не хотел бы сказать то же самое в наше время, полное тяжелых бурь и непримиримых противоречий, когда, порой, лишь занятия любимым делом внушают хоть какой-то жизненный оптимизм?

Впрочем, дело, разумеется, не только в этих словах. Уже с первых страниц своего повествования Я. Потоцкий предстает перед нами как человек, который воспринимает окружающее, прежде всего, как человек, которого, в первую очередь, интересует история, нравы, быт и обычаи народов. Это видно уже из того интереса, который он, как истый этнограф, испытывает к головным уборам русских крестьянок Московской и Рязанской губерний. Чутье не подводит нашего путешественника. Именно головные уборы и украшения, как засвидетельствовано в современной этнографии и археологии, являются наиболее точным этническим показателем той или иной группы населения.

Как созвучно автору этих строк настроение, охватившее Я. Потоцкого, когда он увидел первый курган! Его интерес к этим памятникам далеких эпох переключается с пристальным, неотступным вниманием к сопоставлению ориентиров, данных античными авторами применительно к границам Савроматии или Скифии, как и отождествлению любых других встречавшихся на пути географических или этнографических реалий, со сведениями Греко-римских авторов. Отчего это? Почему, в первую очередь, именно их, а не каких-то других? На наш взгляд, дело здесь не только в личных пристрастиях Я. Потоцкого. Южная окраина европейской России, но особенно Северный Кавказ были еще малоизученными русской наукой территориями, не освоенными Российским государством. В то время побывать здесь удалось немногим ученым (С.Г. Гмелин, И.А. Гюльденштедт, П.С. Паллас), а иногда и авантюристам вроде Я. Рейнеггса, судьба которых складывалась здесь, порой, весьма драматично. Памятуя о ней граф, который имел солидный стаж и более дальних странствий, не вел себя, как безоглядный романтик. Это был опытный и грамотный путешественник, хорошо подготовившийся к вояжу. Я. Потоцкий сделал в дорогу выписки из популярных тогда трудов Дегиня, д'Эрбело, де ла Круа и др., взял с собой атлас Азии Бартоломео, а также восемь "стволов" – хороших ружей, без которых тогда в дороге обойтись было нельзя никак (впрочем, увы, они не помешали бы и ныне...).

Возможно, что именно свежесть восприятия нового, едва ли не девственного для ученого европейца края, подсказывала Потоцкому древние ассоциации из истории. Но дело, быть может, не только в этом.

Менее чем за сто лет до путешествия Потоцкого вышла в свет "Скифская история" А. Лызлова, где была освещена история борьбы России и ее соседей с татаро-турецкими завоевателями – "скифами". Сам термин "Скифия" и этноним "скифы" долго служили в отечественной истории и культуре для поэтического, указывающего на цивилизационное своеобразие и древние корни, обозначения России и самих русских (вспомним блоковское: "Да, скифы - мы! Да, азиаты – мы,/С Раскосыми и жадными очами!"). Именно "скифские мотивы" чаще всего занимают внимание Яна Потоцкого, а фоном к ним служат сцены вроде бивуака, где потомок польских магнатов делал свои записи при свете огня, на котором казаки жарили рыбу. Детали же походного быта, перемежающиеся со сценами этнографической повседневности (борьба молодых казаков, переправа на лодках, вид калмыцких жилищ и т.п.) лишь усиливали восприятие Потоцким окружающей действительности, сливавшейся, зачастую в одно сплошное напоминание о прошлой истории, которая здесь подкарауливала за каждым курганом или поворотом дороги. Таковы, например, фраза: "я еще ехал вдоль Дона, но мне не было видно русло этого царя всех скифских рек, прославленного греческими поэтами и историками как Танаис..." или сведения о собаках-некрофагах у калмыков, тут же связанные с похожими сведениями из Страбона и Цицерона и т.п. Близость же промышлявших на Волге грабителей, нападавших на мелкие суда, заставила графа вспомнить и о пребывании Цезаря у пиратов Киликии (Соснина Е.Л., 2004. С.21-23).

Но, даже углубившись в Дагестан, и уделяя пристальное внимание современным реалиям, в том числе политическим ("Эта кавказская политика еще более непостоянна, чем наша", путешественник, тем не менее, не отрывается от "скифской темы" ("Я начал наносить на бумагу мою большую карту Скифии (курсив наш. – С.Д.) для понимания четвертой части книги Геродота") (Соснина Е.Л., 2004. С.56). Впрочем, скифо-сарматская тематика и здесь находит прямую подпитку. "Лезги сами себя называют леггхи, не приходится сомневаться, что это сарматы леги, которых Страбон помещает между Албанией и Иберией, это значит как раз там, где они живут сегодня" (Соснина Е.Л., 2004. С.55). Современные кавказоведы прямо указывают на то, что леги и гелы Страбона – "общепризнанные дагестанские горные племена – предки современных этнических групп Дагестана (прежде всего аварцев и лакцев), но не сарматы (Виноградов В.Б., 1975. С.39. См. там же сноску 35).

Есть и другие примеры подобных сопоставлений, которые еще больше страдают прямолинейностью, когда Я. Потоцкий, скажем, соотнес одну из групп ногайцев с энарями Геродота и Гиппократом (Соснина Е.Л., 2004. С.88). Тем не менее, не перестаешь удивляться высокой осведомленностью Я Потоцкого, глубоким знанием древних авторов и постоянной нацеленностью на увязку его сведений с современной автору

этнокартой. Все свободное время, особенно зиму 1797/1798 гг. он, находясь в резиденции гр. И.В. Гудовича, будущего командующего Кавказским корпусом, посвятил разбору сочинений античных писателей. При всех издержках штудий Потоцкого, они будят исследовательскую мысль и сейчас.

Впрочем, когда граф прибыл на Тамань, где увидел целый ряд памятников, надписей и т.п., связанных с античной историей, и даже предпринял здесь некоторые разыскания (вот, например, "я искал среди всех этих наносов (в районе Темрюка – С.Д.) реки где бы мог располагаться древний Киммерикум" (Соснина Е.Л., 2004. С.97)¹⁶, то из его записей становится ясно, что обилие античных и прочих остатков, которые буквально валялись под ногами, не под силу осмыслить и тем более изучить одному, пусть и очень большому энтузиасту в течение короткого пребывания на территории, которая тогда могла быть "раем" для археолога. Но время широких исследований в области истории, как древней, так и современной, тогда еще не наступило. Для этого нужно было прочное освоение Кавказа и выход самой России на более высокий уровень социально-экономического и культурного развития.

Важной чертой сочинения Потоцкого следует считать и высокую, в целом, толерантность по отношению нравов и обычаев тех или иных народов. В этом отношении он подобен Геродоту, столь же миролюбиво и объективно описавшему жителей Востока, в том числе, персов, хотя нашествие оттуда привело к Греко-персидским войнам, гибели многих соплеменников "отца истории" и разрушению греческих святынь. В этом отношении у Потоцкого, наверняка, были счеты к России. Хотя после третьего раздела Польши Ян Потоцкий принял российское подданство и нашел свою "нишу" в нашей стране, тем не менее, после 1795 г. его имя числилось в списке "преступников" и только вмешательство влиятельного родственника при царском дворе спасло графа¹⁷. И все же, в отношении порядков в стране и характеристике ее народа Потоцкий никак не демонстрирует своих скрытых настроений. Сказывалась боязнь преследований? Не исключено. Хотя Я. Потоцкого трудно подозревать в робости и трусости. Человек, убивший себя заранее освещенной у капеллана пулей, не мог быть трусом. Хочу вернуться к своей ранее высказанной мысли. Ян Потоцкий был истинным *историком* и инстинкт подлинного исследователя-гуманиста не позволял ему опуститься до того, чтобы вымещать чувство национального унижения, которое граф,

¹⁶ Таманский полуостров считался одним из основных районов расселения киммерийцев и в отечественной историографии конца XIX – XX в. (Д.Я. Самоквасов, Ю.С. Крушккол, Б.Н. Граков, Т.Б. Попова и др.) (Нейхард А.А., 1982. С.72-73).

¹⁷ В этом смысле путевые заметки графа, являвшегося в силу обстоятельств фигурой сугубо маргинальной, представляют для нас исключительный интерес.

бесспорно, испытал после трагического падения польской государственности, на народах страны-победителя.

В то же время, Я. Потоцкий далек от идеализации исторического быта описываемых им этнических групп. Так, например, он очень часто обращается к теме, довольно популярной в российской исторической литературе и публицистике и в будущем (в 1913 г. даже вышла книга, название которой, собственно говоря, можно вынести в заголовок этой темы) - "Разбой на Кавказе". Он неоднократно отмечает факты грабительских нападений представителей ряда северокавказских горских народов (аварцев, лезгин, черкесов, чеченцев и др.), принадлежавших, главным образом, к феодально-княжеской верхушке, на своих соседей, торговые караваны и случайных путников, а также российские станицы и поселения (Дударев С.Л., 2003. С.104. Прим.16). Примечательно, что в оценках данного явления граф, все же, оставаясь сыном своей эпохи, порой аттестовал приверженность к грабежу как "национальный предрассудок" (Соснина Е.Л., 2004. С.46). Впрочем, престижность получения тех или иных благ подобным путем, в самом деле, получила отчетливое воплощение в менталитете горцев того времени. Об этом свидетельствует, в частности, приводимое Я. Потоцким высказывание чеченской "княжны" (скорее всего, представительницы влиятельного тейпа, поскольку чеченцы, в действительности, не имели князей), которая "считает, что там, где не грабят на больших дорогах, жизнь очень скучная и монотонная, и для нее украденный платочек гораздо приятнее, чем купленное жемчужное ожерелье". К тому же, "со дня сотворения мира князья ее дома (по-видимому, чеченские военные предводители – "бячки" – *Авт.*) (История народов Северного Кавказа. 1988. С.391) грабили на дороге в Тифлис и в Тарки, и что ни за что на свете она бы не хотела, чтобы ее родственники и друзья узнали, что она вышла замуж за человека, который не живет разбоем" (Соснина Е.Л., 2004. С.46). Та же психология наблюдается и у ряда других народов региона в период до середины XIX в., т.е. момента присоединения к России, когда с институтом набегов было покончено. Как отмечают, например, некоторые современные адыгейские авторы, опираясь на материалы по Северо-Западному Кавказу, "подвиги, достигнутые на поприще кражи имущества и людей, становились мерилom уважения и чести" (Керашев А.Т., 1981. С.183). Характерен упрек, адресуемый черкесской девушкой своему любимому: "О, ты трус! Ты даже не смог похитить черноморскую корову" (Спенсер Э., 1994)¹⁸. Подобная практика (являвшаяся выражением удалства, отваги, молодечества и восходившая, по сути, к временам "военной демократии") (Дударев С.Л.,

¹⁸ Т.е. корову казака-черноморца. Кстати, сами казаки также были носителями подобной психологии, в чем нет ничего удивительного в обстановке пограничной нестабильности на южных окраинах Российского государства в рассматриваемый период.

1998. С.32-34), по их мнению, относится к эпохе зарождения классовых отношений и связывается с естественной потребностью общества в захвате новых территорий, имущества и пленных (Керашев А.Т., 1981. С.186). Таким образом, дело вовсе не в "национальной психологии", а в особенностях исторического развития, которое, впрочем, весьма симптоматично совпало с приближением границ России к кавказским пределам, что послужило катализатором "набеговой практики" и, по мнению компетентных авторов, послужило одной из причин возникновения Кавказской войны (Клычников Ю.Ю., 2002). Наблюдения Потоцкого (и в этом их важная роль!) позволяют видеть тот факт, что набеги в конце XVIII в. не имели никакой политической подоплеки и имели *чисто экономический характер*, отражая также пережитки военно-демократического менталитета в горской среде.

Трудно осветить все аспекты труда Яна Потоцкого. Они, в частности, дают прекрасные свидетельства по истории религиозных верований на Северном Кавказе, подтверждая факт поздней исламизации ингушей¹⁹. Одновременно исследователь очень тонко подметил факты *религиозного синкретизма* у чеченцев, которые в это время уже были мусульманами. Так Я. Потоцкий указывает на то, что чеченцы зовут Бога не Аллахом, а Даа, или Даал (точнее, Дэла; это подтверждает существующее у них до сих пор восклицание: "Ва, Дэла!", т.е. "О, боже!"). Весьма интересно и указание на то, что ингуши (полагаем, что не все, а некая их часть) не признают Дала, проклиная его и веруют лишь в свои скалы и идолы, т.е. придерживаются еще дополитеистических верований (Соснина Е.Л., 2003. С.60). Эти данные еще раз свидетельствуют против высказываний тех adeptов ислама, которые стремятся доказать извечность этой религии у вайнахов.

В этой связи весьма любопытно, что еще во времена Потоцкого кабардинские князья правящего рода, генеалогией которых занимался граф, оставив ее схему в своем труде (Соснина Е.Л., 2003. С.69), стремились вывести свое происхождение из Аравии. Так они, по видимому, опираясь на генеалогические легенды "манифестационного" (по Я.В. Чеснову) (Чеснов Я.В., 1998. С.114) плана, укрепляли свой престиж и власть, поднимали свой "имидж", и используя харизму ислама, возводили себя к знатым праотцам и знатым мусульманским аравийским родам, ввиду того, что были, мягко говоря, недавними мусульманами.

Наконец, возвращаясь, к началу разговора о труде Потоцкого, хотелось бы завершить наш краткий и неполный его обзор еще одним наблюдением графа, весьма актуальным для судеб культурного наследия

¹⁹ Еще в 1810 г., т.е. 13 лет спустя после поездки Потоцкого, ингуши, принешие присягу на верность России, клялись кумиром Гиль (Галь) Ерды (Далгат Б.К., 2004. С.116), который был божеством – покровителем скотоводства (Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И., 1981. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1981. С.40; Бараниченко Н.Н., 1985. С.6).

нашего региона. Он зафиксировал один печальный, но очевидный факт, который неоднократно нашел подтверждения в трудах ученых будущего. Исторические памятники Северного Кавказа по мере включения региона в состав России безжалостно разрушались переселенцами из южных и центральных губерний, а также в ходе российского "индустриального" освоения края. Я. Потоцкий свидетельствует, что из пятидесяти мавзолеев (золотоордынской эпохи), виденных Гюльденштедтом в Маджарах, осталось лишь четыре! (Соснина Е.Л., 2003. С.80). То же происходило и с замечательными дольменными памятниками на Кубани, многие из которых разбирались не только казачьим населением, но и "интеллигентными" инженерами, о чем писали в конце XIX в. Е.Д. Фелицын, а в наше время – А.А. Формозов (Формозов А.А., 1980. С.97-98).

Перейдем ко второй части работы Е.Л. Сосниной, именуемой "Легенда в жизни Лермонтова (Адель Оммер де Гелль и ее книга о путешествии по югу России)".

Внимание к личности и путевым заметкам мадам де Гелль подогревается, прежде всего, их возможным романом с великим русским поэтом. Какова же была женщина, пленившая М.Ю. Лермонтова, который "в тележке проскакал до двух тысяч верст, чтобы несколько часов провести наедине с нею" (С.183)?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к воспоминаниям Адели Оммер де Гелль, в которых она описывает собственные странствия. Прежде всего, нужно подчеркнуть то обстоятельство, что сама мадам де Гелль подчеркивает свое "призвание к путешествиям" (Соснина Е.Л., 2003. С.187), притом достаточно опасным, что и подтвердили дальнейшие события. Для светской женщины-парижанки, воспитанной в комфорте и с прислугой, это был настоящий подвиг. Нельзя сказать, что перед путешествием мадам штудировала научные труды или везла их с собой, но ее определенная начитанность в области географии и знание тех ориентиров, к которым предстояло стремиться, очевидны (в самом начале своего описания она говорит некоторых трудах по космографии, об Астрахани, калмыках, Каспийском море). Впрочем, и не приходится ожидать от мадам де Гелль стремления к научным открытиям. Ей довольно и того, что она сможет, в конце-концов, выразить "впечатления от дальних стран и целые месяцы вести жизнь, изведенную очень немногими" (Соснина Е.Л., 2003. С.187).

Эта оценка окружающей действительности - идти "от впечатлений" - и является главным методом описания путешественницы. А впечатления ее были очень яркими. Бросается в глаза непосредственное и эмоциональное восприятие действительности мадам де Гелль. Французенку привлекает буквально все. Начнем с того, что она равнодушна к окружавшей ее природе, особенно колоритным пейзажам Кавказских Минеральных Вод и Крыма, проявлениям стихии, натиск

которой мадам и ее спутникам пришлось испытывать не раз. Живо, в подробностях, описаны тяготы путевого быта, который доставлял немало неприятностей изысканной парижанке. Впрочем, надо отдать должное тому, что, несмотря на все сложности передвижения по бездорожью при отсутствии "европейского сервиса", и перипетии, связанные с опасностью нападений, мадам де Гелль относится к ним, как данности, необходимости, хотя и испытывает, нередко, страх и отвращение к тем или иным превратностям пути.

Путешественница уделяет много внимания описанию деталей повседневности, которые представляют интерес для историков, занимающихся этой проблематикой. Так, она очень пристальна ко внешнему виду людей из различных слоев и этнических групп, манере поведения, местной моде (С.195, 204, 217 и др.), к которой она пристрастна как истая парижанка. При этом мадам де Гелль, отдавая должное восточной роскоши тканей, которыми изобилуют лавки страны, подчеркивает приоритет французской моды, подчеркивая ее простоту и элегантность. Она не преминула отметить и широкое моральное влияние, оказываемое Францией на "все страны мира" (Соснина Е.Л., 2003. С.234), а также тот факт, что французский язык является "основой всего русского воспитания" (Соснина Е.Л., 2003. С.277). И в то же время находим у путешественницы удивительно точные и яркие строки, которые можно было бы сделать одним из эпитафий к ее путевым наблюдениям (если бы только мадам пожелала их сделать): "Какой холодной и бесцветной кажется наша культура по сравнению с этими смелыми лицами, живописными костюмами, с этим бешеным галопом, с этой буйной фантазией, с этим пылом, свойственным лишь жителям Востока!" (Соснина Е.Л., 2003. С.190).

Тем не менее, приоритет Франции и Европы здесь в России, а шире – в Азии, для мадам несомненны. Но она с удивлением, и вместе с тем, даже с определенной долей разочарования, отметила европейские элементы при дворе калмыцкого князя: стоило ли преодолевать такие трудности, чтобы "найти Европу в Калмыкии" (Соснина Е.Л., 2003. С.224)²⁰. Сами по себе такие факты говорят о показательном распространении западного влияния среди местных, периферийных, российских элит, взаимопроникновении цивилизаций даже в такой "глубинке", как калмыцкая степь, в первой половине XIX в.

²⁰ Любопытно, но нечто подобное испытал автор в апреле 2001 г. в Берлине, когда был приглашен вместе с ныне покойным д.и.н. В.С. Ольховским в гости к нашей коллеге, жившей в Берлине, к.и.н. М.А. Очир-Горяевой, которая продемонстрировала нам прекрасное калмыцкое гостеприимство и даже один из калмыцких национальных танцев в соответствующем музыкальном сопровождении. А из окна были видны красные черепичные крыши столицы Германии...

В поле зрения путешественницы – особенности планировки городов (Соснина Е.Л., 2003. С.188 и др.) и домашние интерьеры, колорит базаров и ярмарок (Соснина Е.Л., 2003. С.203, 210 и др.), напоминающих мадам де Гелль Восток, особенности продаваемых товаров (Соснина Е.Л., 2003. С.203 и др.), лакомств (Соснина Е.Л., 2003. С.206), и многое другое. Здесь необходимо указать и на то, что француженка очень точно и верно подметила особый шарм и колорит южнороссийских городов: Ростова, Астрахани и Ставрополя. Этим исторически Юг России действительно с самого начала отличался от ее центральных областей. Периферия, где ломались привычные стереотипы, свойственные для Центра, отличалась, и это не укрылось от взгляда внимательной иностранки, своей определенной демократичностью, когда, например, представители разных слоев общества могли веселиться вместе в заведении наподобие казино (Соснина Е.Л., 2003. С.209-210).

Своеобразие российских нижеволжских и кавказских городов с их чертами многоэтничности (об Астрахани - "население представляет собой смесь всех народов Азии, но преобладают русские, калмыки и татары" (Соснина Е.Л., 2003. С.231); о Ставрополе - "черкесы, казаки, туркмены, грузины, татары образовывали перед нашими глазами пеструю смесь" (Соснина Е.Л., 2003. С.275), поликультурности (европейский магазин соседствовал с караван-сараями), веротерпимости (церкви располагались по соседству с мечетями и др.), прекрасно характеризует феномен "российскости", уже ряд лет исследуемый научной школой д.и.н., проф. В.Б. Виноградова (Российскость, 2002.).

Живой и наблюдательный ум Адели Оммер де Гелль выдает в этом не только заинтересованность европейца, охочего до экзотики, но и чисто женское любопытство. Но наиболее ярко гендерный аспект в зарисовках этой иностранки, проявился, пожалуй, в тщательном описании общения с рядом людей, с которыми сталкивались обстоятельства поездки, а также внимания к положению женщин, например, женщин-казачек. Кстати, в последнем случае, парижанка столкнулась совсем с иным типом женщин, неизвестным ей доселе. Она с неподдельным удивлением и недоумением отмечает: "Все домашние заботы также должны были занимать только женщин: ремонт дома, стирка, кухня, воспитание детей. Невозможно понять, как они справлялись со всем этим" (Соснина Е.Л., 2003. С.216). Пожалуй, это одно из самых первых наблюдений *женщины-иностранки* о россиянках. Впрочем, время всерьез осмыслить положение женщин в России тогда еще не наступило ни в самой нашей стране, ни за ее пределами. Должно было пройти время, прежде чем появился хотя бы эмоциональный, поэтический образ такой женщины: "Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет".

Не укрылись от взора путешественницы и те или иные детали исторического контекста встречавшихся городов и местностей. Так, она

обратила внимание на пребывание в Таганроге Петра I и Александра I, отметила места, где некогда располагались "потемкинские деревни" и обстоятельства их появления. Она довольно безапелляционно пытается, порой, предсказывать будущее (например, тех или иных городов), что, впрочем, в отличие ее великого соотечественника Нострадамуса, оказалось, как мы теперь знаем, мадам не по силам²¹.

Впрочем, как и в случае с путевыми наблюдениями Я. Потоцкого, применительно к рамкам статьи, невозможно проанализировать все стороны интересных заметок французской путешественницы. Существенная же разница между публикуемыми текстами заключается в том, что если Потоцкого больше всего интересовали историко-этнографические детали увиденного, то А. Оммер де Гелль живо увлекается разнообразными гранями российско-кавказской действительности, с которыми ей пришлось столкнуться. Особенно бросаются в глаза те суждения французской путешественницы, которые касаются общественно-политического строя России.

Они поразительно точны, удивительно совпадая, порой, с теми приметами николаевской эпохи, которые хорошо известны нам из области отечественной истории, общественной, политической и литературной мысли. Один из самых одиозных периодов российской истории был настолько пронизан духом рабства, деспотизма, чиновничества, унижения человеческого достоинства, что это не могло не броситься в глаза впечатлительной иностранке. В целом ряде мест своих путевых впечатлений А. Оммер де Гелль резко критикует те пороки, которые были ненавистны и наиболее передовым представителям русского общества того времени. Приведем лишь наиболее яркие выдержки. "Какая печальная страна, - пишет мадам де Гелль, - где одаренность от природы рассматривается чуть ли не как преступление и может стать для человека причиной его падения и безумия" (Соснина Е.Л., 2003. С.194). В другом месте встречаем: "Рабство разрушило в них (крепостных – *Авт.*) способность сопереживать, и уничтожило чувство собственного достоинства" (Соснина Е.Л., 2003. С.203). Или вот: "Привычка прислуживаться в России существует не только в народе: ее встречаешь повсюду: на западе и на востоке, в блестящих салонах Санкт-Петербурга и в избах московских крестьян, везде она проявляется в самых шокирующих формах, в чиновничестве и чванстве, в упивании административной властью" (Соснина Е.Л., 2003. С.235). Как здесь не вспомнить "Горе от

²¹ Это касается, например, Екатеринослава – будущего Днепропетровска, по поводу которого А. Оммер де Гелль пишет: "этот стационарный город без сомнения никогда не оправдает тех надежд, которые питала императрица (Екатерина II – *Авт.*), давая ему свое имя" (Соснина Е.Л., 2003. С.188). Никогда не говори никогда. Прошли годы, и город стал крупным промышленным и политическим центром Восточной Европы, давшим Л. Брежнева, Л. Кучму, а также "газово-оранжевую леди" Ю. Тимошенко.

ума" А.С. Грибоедова, или пронзительный пример П.Я. Чаадаева, которого официально сочли безумным за его вольнодумие! Но что весьма знаменательно, невольно приходят на ум знаменитые *лермонтовские* строки: "Прощай немытая Россия, / Страна рабов, страна господ, / И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ. / Быть может, за стеной Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей / От их всевидящего глаза, / От их всеслышащих ушей"²². А как современны некоторые ее высказывания! "Гласность – вещь настолько незнакомая в России..." (Соснина Е.Л., 2003. С.192). Неправда ли, какие явные ассоциации с XX веком?

Однако отрицательное отношение к самодержавному деспотизму и его проявлениям, к сожалению, нередко воплощено у А. Оммер де Гелль в стереотипах, распространяемых на весь народ. Русские у мадам де Гелль – это самая подозрительная нация в мире, формалисты, не способные, однако, к точности, ленивые честолюбцы, для которых почти не свойственно чистосердечие и т.п. В то же время, отдельные представители русского народа, те или иные его группы характеризуются, главным образом, положительно, например казаки, или семейство ставропольского помещика Реброва; отмечается начитанность, аналитический ум и наиболее яркие черты светского воспитания русских дам. Что же касается представителей других народов, то их оценки еще более полярны. Оммер де Гелль, например, восторженно характеризует немецких колонистов и армян, но невысокого в общем мнения о калмыках и крайне негативно отзывается о евреях и цыганах, не жалея при этом самых нелестных эпитетов (Соснина Е.Л., 2003. С.191, 195, 208-209 и др.). Между тем, в записках мадам де Гелль присутствует верное понимание оценки народов. "Для того, чтобы правильно судить о народе, нужно смотреть на вещи с его точки зрения, необходимо знать нравы, среди которых он живет" (Соснина Е.Л., 2003. С.200). Увы, эта "методика" применяется мадам далеко не ко всем жителям России, а лишь выборочно, в соответствии с ее симпатиями.

Отчетливая черта повествования о путешествии по территории Кавминвод – это страх и трепет перед нападением "бандитов", "ужасных черкесов", их воинственностью, но одновременно и восхищение их благородством, гордостью и красотой (Соснина Е.Л., 2003. С.263, 278 и др.). При этом особую привлекательность, по словам Адели Оммер де Гелль, придает горцам их славная борьба против России, которая придает им ореол бесстрашных и героических мучеников, готовых скорее умереть, чем позволить чужеземцу осквернить их горы (Соснина Е.Л., 2003. С.265). Это место в ее дневнике необходимо отметить особо. Если Я. Потоцкий писал о нападениях горцев, преследовавших, так сказать, меркантильно-престижные цели, то ко времени, описываемому мадам Оммер де Гелль,

²² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. Т.1. – М., 1964. С.112.

т.е. 1840 г., набеги "соединяются с идеей борьбы против "неверных", превращаются в душеспасительное дело" (Скиба К.В., 2004.). При этом мадам де Гелль приводит детали, которые указывают на возросшее ожесточение горцев в этой борьбе (зверски обезображенные трупы конвоя одной знатной дамы, направляющейся отдыхать в Кисловодск) (Соснина Е.Л., 2003. С.264; Дударев С.Л., Соснина Е.Л., 2004). Указанные контрасты в описании француженки можно легко умножить.

Но, при всем том, у нее часто сквозит мысль о том, что усилия русского правительства по обустройству южной окраины государства: строительство новых городов, перемещение сюда немецких колонистов, армянских переселенцев для оживления экономической деятельности и т.д., борьба с разбоем на дорогах, работы в Кисловодске по использованию его природных ресурсов (водных источников), организации более цивилизованного отдыха (Соснина Е.Л., 2003. С.266) и т.д., имеют, в целом, положительное значение и даже деспотизм с этой точки зрения совсем не так уж и плох (!). Во всем этом сказываются давно и хорошо известные противоречия в восприятии российской цивилизации, и ее значения для присоединяемых территорий на Кавказе (и в Средней Азии), свойственные для ряда просвещенных европейцев того времени. Вспомним строки из, можно сказать, хрестоматийного письма Ф. Энгельса К. Марксу от 23 мая 1853 г.: "Россия играет действительно прогрессивную роль в отношении к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир, татар" (Маркс К., Энгельс Ф., Т.27. С.241). Но концовка этой цитаты, много лет скрывавшаяся от отечественной аудитории, созвучна тому, что можно, порой, прочесть у А. Оммер де Гелль: "несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь" (Тройно Ф.П., 1994. С.6). Мы, вслед за большинством отечественных историков, разделяем ту часть рассуждения Энгельса, которая говорит о прогрессивной роли присоединения к России Кавказа и Средней Азии, но отмечаем последние слова этой цитаты, которые однозначно указывают на то, что психология "двойных стандартов" по отношению к России появилась отнюдь не после падения Советского Союза.

Возвращаясь же к теме, затронутой в конце той части нашей статьи, которая была посвящена запискам Я. Потоцкого, хочется отметить, что у А. Оммер де Гелль также оказалось не обойденной тема отношения к памятникам истории и культуры в России. Она отметила печальные факты разрушения древних могил в Крыму, но что наиболее важно для нас ныне – полное разрушение маджарских мавзолеев, от которых, спустя 43 года после путешествия Потоцкого, "осталось только несколько кирпичей" (Соснина Е.Л., 2003.С.257). "К сожалению, деспотичное правительство остается равнодушным к разрушительным инстинктам населения" – пишет мадам де Гелль (Соснина Е.Л., 2003. С.188) и здесь она, увы, полностью

права. Понадобилось введение законодательства по охране памятников истории и культуры в советский период, чтобы это варварство было остановлено, а сами памятники стали научно и масштабно изучаться²³. Теперь же, в условиях разгула "дикого рынка", идет тотальное уничтожение памятников Северного Кавказа с помощью целых интернациональных преступных банд, а в Интернете существуют сотни сайтов, где ремесло "кладоискателя" романтизируется и популяризируется. Верно замечено – "свобода обоюдоостра" (Неклесса А., 2003. С.22).

В заключение же нашего обзора записок А. Оммер де Гелль, хотелось бы выразить надежду, что исследователи Северного Кавказа смогут сопоставить особенности восприятия исторической действительности региона французской XIX в. с наблюдениями ее современниц - наших соотечественниц (например, Е.П. Лачиновой и др.).

Подведем итоги наших кратких комментариев к весьма репрезентативным и ценным свидетельствам людей, которые оказались в России в одну из наиболее "знаковых" эпох ее истории. Тогда страна, будучи обширной империей, достигла своего наивысшего могущества, проявив весьма характерные черты политических, социальных и культурных процессов, не поддающихся однозначным оценкам. Важной их частью было включение (нередко противоречивое и болезненное) в ее состав самобытных этносов с богатыми историческими традициями. Их слияние и породило глубокое своеобразие нашего Отечества, являющегося феноменом, не имеющим аналогов в мире. Я. Потоцкий и А. Оммер де Гелль смотрели на Россию и ее народы "извне", и это ценно тем, что взгляд "другого" при всей его непохожести на наш, а иногда и явной субъективности и даже предвзятости, способен помочь в чем-то более разносторонне оценить особенности исторического развития страны и ее населения. Другой ракурс оценки "взгляда извне" заключается в том, что мы должны научиться уважать свою историческую и культурную самобытность, а не шарахаться в ее оценках в зависимости от меняющейся политической конъюнктуры.

Книга Е.Л. Сосниной, безусловно, вносит ценный вклад в изучение истории и культуры Юга России, дальнейшее познание его народами, особенно Северного Кавказа, своей национальной и культурной идентичности.

Библиография

²³ Охрана памятников в советский период, впрочем, не являлась панацеей от всех их бед, а уничтожение бесценных памятников (например, Храма Христа Спасителя) нередко санкционировалось самим руководством.

Бараниченко Н.Н., 1985. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов / Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М.

Виноградов В.Б., 1975. Описание Северного Кавказа в "Географии" Страбона (XI, V, 1-8) // ИСКНЦ ВШ. № 4.

Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И., 1981. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный.

Далгат Б.К., 2004. Первобытная религия чеченцев и ингушей. – М.

Дударев С.Л., 1998. Методические заметки по истории. – Армавир.

Дударев С.Л., 2003. О некоторых шотландско-северокавказских историко-культурных параллелях // Запад-Россия-Кавказ. Межвузовский теоретический альманах. Вып.2. – Ставрополь-Москва.

Дударев С.Л., Соснина Е.Л., 2004. Некоторые черты погребального обряда и общественного быта горцев Северного Кавказа в свете археолого-этнографических параллелей (поздний бронзовый - ранний железный век – XVIII-XX вв.) // Проблемы всеобщей истории. Вып.9. Армавир.

История народов Северного Кавказа. 1988. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.

Керашев А.Т., 1991. Социальная сущность адыгского наездничества // Культура и быт адыгов. – Майкоп.

Клычников Ю.Ю., 2002. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). – Пятигорск.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т.27.

Нейхардт А.А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. – Л., 1982.

Некlessа А., 2002. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей //Россия XXI. 4.

Российскость, 2002. Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа). – Армавир, 1999; "Российскость" в истории Северного Кавказа. Научный сборник. – Армавир, 2002.

Соснина Е., 2003. Два путешествия в золотой век. Гениальный фантом. Легенда в жизни Лермонтова. – Пятигорск.

Скиба К.В., 2004. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг. /Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Армавир.

Спенсер Э., 1994. Путешествия в Черкесию.- Майкоп.

Тройно Ф.П., 1994. Взгляд на создание Российской империи //Российский исторический журнал. II. – Балашов, 1994.

Формозов А.А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М., 1980.

Чеснов Я.В., 1998. Лекции по исторической этнологии. – М., 1998.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Настоящая брошюра адресована, как уже было сказано выше, широкой вузовской и школьной аудитории. Ее публикация является частью научно- и учебно-методической, а также воспитательной работы кафедры всеобщей истории АГПУ. Эта работа близка автору по духу не только по роду службы и занятий, но и является нашей семейной традицией. Мои родители – Дударев Леонид Иванович (1911-1984) и Федорова Зинаида Сергеевна (1914-1991), а также сестра, Бельмас (Дударева) Ирина Леонидовна (1939-2004) многие годы отдали народному просвещению, проработав учителями в школах гг. Перми, Кустаная и Грозного. Опубликованная "Библиография" научных и научно- и учебно-методических работ автора (2001), включала в себя очерк о жизненном пути моего отца, известного педагога, одного из лучших учителей физики г. Грозного. Это издание является данью памяти моих матери и сестры: в 2004 г. исполнилось 90 лет со дня рождения мамы и в этом же году безвременно ушла из жизни сестра, скончавшаяся в г. Актау (Казахстан). Автор надеется еще найти возможность отдельно написать о них обеих, рассказав о жизненном, трудовом, творческом пути дорогих ему людей.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
----------------	---

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Амазонки во всемирной и отечественной истории (новое об известном)...5
Францисканцы: кто они? (новое исследование по истории ордена).....7
Страницы британской истории глазами ученых Ставрополя.....10
Мир на рубеже веков (актуальные проблемы современности).....20
Мы и мир (зарубежные связи кафедры всеобщей истории).....38

АРХЕОЛОГИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Новое о раннем железном веке Центрального Предкавказья.....54
Северный Кавказ в XVIII-XX вв. глазами отечественных историков.....61
Северный Кавказ в конце XVIII – первой половине XIX в.: взгляд извне...68
Послесловие.....83